
ЖУРНАЛ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

2020. № 4

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

Редакционная коллегия:

Ю. Н. Стариков,
д-р юрид. наук, проф., Воронеж. гос. ун-т,
засл. деятель науки РФ (гл. ред.);

Ю. Б. Носова,
канд. юрид. наук, доц.,
Воронеж. гос. ун-т (зам. гл. ред.);

О. В. Сажина,
Воронеж. гос. ун-т (отв. секр.);

О. В. Баулин,
д-р юрид. наук, проф., Воронеж. гос. ун-т;

П. Н. Бирюков,
д-р юрид. наук, проф., Воронеж. гос. ун-т;

А. Н. Бумагин,
канд. юрид. наук, пред. Десятого
арбитражного апелляционного суда
(г. Воронеж);

Т. М. Бялкина,
д-р юрид. наук, проф., Воронеж. гос. ун-т;

Н. А. Громошина,
д-р юрид. наук, проф.,
Московский гос. юрид. ун-т
имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

А. Б. Зеленцов,
д-р юрид. наук, проф.,
Российский ун-т дружбы народов,
засл. юрист РФ;

Д. В. Зотов,
канд. юрид. наук, доц., Воронеж. гос. ун-т;

Т. Д. Зражевская,
д-р юрид. наук, проф.,
Воронеж. гос. ун-т, засл. юрист РФ;

С. Д. Князев,
д-р юрид. наук, проф.,
Конституционный Суд РФ
(г. Санкт-Петербург),
засл. деятель науки РФ, засл. юрист РФ;

П. И. Кононов,
д-р юрид. наук, проф.,
судья Второго арбитражного
апелляционного суда (г. Киров);

А. В. Кочетков,
канд. юрид. наук, доц.,
пред. Арбитражного суда Воронеж. обл.;

С. В. Курчевская,
канд. юрид. наук,
судья Второго кассационного суда
общей юрисдикции;

А. В. Малько,
д-р юрид. наук, проф.,
Сарат. гос. юрид. академия,
засл. деятель науки РФ;

И. И. Марков,
пред. Липецкого областного суда,
засл. юрист РФ;

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гриценко В. В. Упрощенное (письменное) производство
в административном судопроизводстве Российской
Федерации: особенности и тенденции 5

Зюзин В. А. Необходимость автономизации
в административном судопроизводстве принципов
законности и справедливости 10

Махина С. Н., Завьялова И. С. Цифровизация
административного судопроизводства как фактор повышения
результативности и эффективности реализации
государственных функций: российский и зарубежный опыт..... 13

ПРОИЗВОДСТВО ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

Опалев Р. О. К вопросу о праве на эффективную судебную
защиту при проверке судебных актов по административным
делам 18

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Матвеев С. П., Матвеева Т. А. Дисциплинарное производство
в процессе государственной службы: позиция Верховного Суда
Республики Сербия 22

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ

Зеленцов А. Б. Отзыв официального оппонента на диссертацию
Старилова Максима Юрьевича на тему «Меры предварительной
защиты в административном судопроизводстве в судах общей
юрисдикции», представленную в объединенный диссертационный
совет Д 999.25.02 на базе ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского», ФГКОУ ВО «Санкт-
Петербургский университет Министерства внутренних
дел Российской Федерации» на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальностям 12.00.14 –
Административное право; административный процесс;

С. Н. Махина,
д-р юрид. наук, проф.,
Воронеж. гос. ун-т;

Е. И. Носырева,
д-р юрид. наук, проф.,
Воронеж. гос. ун-т;

Р. А. Подопригра,
д-р юрид. наук, проф.,
Каспийский ун-т (г. Алматы,
Республика Казахстан);

О. С. Рогачева,
д-р юрид. наук, доц.,
Воронеж. гос. ун-т;

Б. В. Россинский,
д-р юрид. наук, проф.,
Московский гос. юрид. ун-т
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
засл. юрист РФ;

Ю. П. Соловей,
д-р юрид. наук, проф.,
Сибирский юрид. ун-т,
засл. юрист РФ;

Д. Г. Фильченко,
канд. юрид. наук, доц.,
Воронеж. гос. ун-т;

О. Н. Шеменёва,
д-р юрид. наук, доц.,
Воронеж. гос. ун-т

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66564 от 21.07.2016

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)
на платформе elibrary.ru

Подписной индекс:
94234 Объединенного каталога
"Пресса России"

Адрес редакции:
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 707
e-mail: juristar@law.vsu.ru;
nosova_y@law.vsu.ru

Редактор **Ю. С. Гудкова**
Компьютерная верстка **Е. Н. Попуга**

Дата выхода в свет 25.12.2020.
Формат 60*84/8. Уч.-изд.л. 8,5.
Усл. п. л. 7,6. Тираж 150. Заказ 131

Адрес издателя:
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес типографии
Издательского дома ВГУ:
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный
университет, 2020
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс
(Воронеж, 2020. 349 с.)28

Стариков Ю. Н. Отзыв члена диссертационного совета –
официального оппонента на диссертацию Бурашниковой
Наталии Анатольевны на тему «Судебный контроль за
соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 12.00.15 – «Гражданский
процесс; арбитражный процесс»34

ИЗ ИСТОРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Стариков Ю. Н. О значении научного труда доктора
юридических наук, профессора М. А. Гурвича «Судебное
решение: теоретические проблемы»42

Гурвич М. А. Судебное решение: теоретические проблемы
(Извлечения). Очерк четвертый. Обязательность и законная
сила судебного решения.....44

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ
В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ
ОПУБЛИКОВАНИЯ** 62

JOURNAL OF THE ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

SCIENTIFIC AND PRACTICAL EDITION

2020. № 4

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»

Editorial board:

Yu. N. Starilov,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University,
honoured scientist of the Russian Federation
(chief editor);

Yu. B. Nosova,
candidate of legal sciences,
associate professor,
Voronezh State University (deputy editor);

O. V. Sazhina,
Voronezh State University
(secretary in chief);

O. V. Baulin,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University;

P. N. Biriukov,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University;

A. N. Bumagin,
candidate of legal sciences, chairman of the
Nineteenth Arbitral Appeal Court (Voronezh);

T. M. Bialkina,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University;

N. A. Gromoshina,
doctor of legal sciences, professor,
Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL);

A. B. Zelentsov,
doctor of legal sciences, professor,
Peoples' Friendship University of Russia,
honoured lawyer of the Russian Federation;

D. V. Zotov,
candidate of legal sciences,
associate professor, Voronezh State University;

T. D. Zrazhevskaya,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University,
honoured lawyer of the Russian Federation;

S. D. Kniazev,
doctor of legal sciences, professor,
Constitutional Court
of the Russian Federation
(St. Petersburg),
honoured scientist of the Russian Federation,
honoured lawyer of the Russian Federation;

P. I. Kononov,
doctor of legal sciences, professor,
judge of the Second Arbitral
Appeal Court (Kirov);

A. V. Kochetkov,
candidate of legal sciences,
associate professor, chairman of the
Arbitration Court of the Voronezh Region;

CONTENTS

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Gritsenko V. V. Simplified (written) proceedings in administrative proceedings of the Russian Federation: features and trends5

Ziuzin V. A. The need for autonomy in administrative proceedings of the principles of legality and justice.....10

Makhina S. N., Zavyalova I. S. Digitalization of administrative proceedings as a factor of increasing the effectiveness and efficiency of the implementation of state functions: Russian and foreign experience 13

PROCEEDINGS IN CERTAIN CATEGORIES OF ADMINISTRATIVE CASES

Opalev R. O. On the right to effective judicial protection in the review of administrative cases..... 18

ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN FOREIGN COUNTRIES

Matveev S. P., Matveeva T. A. Disciplinary proceedings in the public service process: the position of the Supreme Court Republic of Serbia22

DEFENSE OF DISSERTATIONS

Zelentsov A. B. Review of an official opponent for the dissertation of Starilov Maxim Yuryevich on the topic «Measures of preliminary protection in administrative proceedings in courts of general jurisdiction», submitted to the joint dissertation council of D 999.25.02 on the basis of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the degree of candidate of legal sciences in specialties 12.00.14 – Administrative law; the administrative process; 12.00.15 – Civil process; arbitration process (Voronezh, 2020. 349 p.).....28

Starilov Yu. N. Review of a member of the Dissertation Council – an official opponent for the dissertation of Burashnikova Natalia Anatolyevna on the topic «Judicial control over the observance of the

S. V. Kurchevskaya,
candidate of legal sciences,
judge of the Second Court of Cassation
of General Jurisdiction;

A. V. Malko,
doctor of legal sciences, professor,
Saratov State Law Academy, honoured
scientist of the Russian Federation

I. I. Markov,
chairman of the Lipetsk Regional Court,
honoured lawyer of the Russian Federation;

S. N. Makhina,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University;

E. I. Nosyreva,
doctor of legal sciences, professor,
Voronezh State University;

R. A. Podoprigora,
doctor of legal sciences, professor,
University of the Caspian
(Almaty, Republic of Kazakhstan);

O. S. Rogacheva,
doctor of legal sciences, associate professor,
Voronezh State University;

B. V. Rossinskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL),
honoured lawyer of the Russian Federation;

Yu. P. Solovey,
doctor of legal sciences, professor,
Siberian Law University,
honoured lawyer of the Russian Federation;

D. G. Filchenko,
candidate of legal sciences,
associate professor,
Voronezh State University;

O. N. Shemeniova,
doctor of legal sciences,
associate professor,
Voronezh State University

Registered by the Federal Service
of supervision in sphere of communications,
information technologies and mass
communications (Roskomnadzor):
Registration certificate ПИ № ФС 77-66564

Journal is included in RISC system (Russian
Science Citation Index)
in the e-library platform

Subscription index:
94234 of the Integrated catalog
“Press of Russia”

Editorial address:
394018, Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 707
e-mail: juristar@law.vsu.ru;
nosova_y@law.vsu.ru

© Voronezh State University, 2020
© Design, original-model.
Publishing House
of Voronezh State University, 2020

right to liberty and personal integrity», submitted for the degree of
candidate of legal sciences in the specialty 12.00.15 – Civil process;
arbitration process.....34

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PROCEDURAL LAW

Starilov Yu. N. On the significance of the scientific work of the
doctor of law, professor M. A. Gurvich «Judgment. Theoretical
problems».....42

Gurvich M. A. Judgment: theoretical problems (*Extract*). Essay
four. Binding and enforceable judgement44

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS, SENT TO THE EDITORIAL STAFF FOR PUBLISHING 64

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 342.9

В. В. Гриценко

Воронежский государственный университет

УПРОЩЕННОЕ (ПИСЬМЕННОЕ) ПРОИЗВОДСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматриваются особенности упрощенного (письменного) административного судопроизводства. Анализируется применение судами общей юрисдикции и арбитражными судами упрощенного порядка рассмотрения отдельных категорий дел с учетом современных тенденций развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: административное судопроизводство, упрощенное (письменное) производство, общие правила административного судопроизводства, судебная практика.

SIMPLIFIED (WRITTEN) PROCEEDINGS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES AND TRENDS

The article deals with the features of simplified (written) administrative proceedings. The article analyzes the application of the simplified procedure of consideration of certain categories of cases by courts of general jurisdiction and arbitration courts, taking into account modern development trends.

К е у w o r d s: administrative proceedings, simplified (written) proceedings, general rules of administrative proceedings, judicial practice.

Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством пяти видов судопроизводств: конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного¹.

В Докладе Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева «О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год» на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ (Москва, 11 февраля 2020 г.) было отмечено, что за указанный период судами РФ во всех видах судопроизводства рассмотрено свыше 31 млн дел².

Правовая природа института упрощенного производства в целом имеет многоаспектный характер, так как присуща практически всем видам судопроизводств.

Исходя из действующего законодательства в Российской Федерации, административное судопроизводство осуществляется на основании Кодекса административного судопроизводства

Российской Федерации³ (далее – КАС РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – АПК РФ), как в общем, так и в упрощенном (письменном) порядке.

Для объективной характеристики упрощенного порядка административного судопроизводства необходимо проанализировать положения двух кодексов: КАС РФ и АПК РФ, – поскольку наряду с делами, указанными в ст. 291 КАС РФ, в упрощенном порядке административного судопроизводства может быть рассмотрена категория дел, установленная в ч. 1–3 ст. 227 АПК РФ⁵.

Упрощенный (письменный) порядок предусматривает рассмотрение административного дела без проведения судебного заседания и судебного разбирательства. Следует отметить, что аналогичный порядок предусмотрен и при вынесении судебного приказа, под которым понимается судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления взыскателя о взыскании обязательных платежей и санкций с учетом исследования судьей представленных доказательств без проведения судебного разбирательства и судебного заседания.

Таким образом, приказное производство является упрощенной формой административного судопроизводства.

В порядке приказного производства в 2019 г. рассмотрено 15 млн гражданских дел, 4,7 млн административных дел и 421 тыс. экономических споров. Количество экономических споров, рассмотренных в упрощенном порядке, увеличилось до 671 тыс., что составляет 35 % от всех рассмотренных дел по экономическим спорам. Суды общей юрисдикции рассмотрели в упрощенном порядке менее 1 % и менее 1 % административных дел. Это связано с тем, что законодатель не согласился с предложением Верховного Суда России о расширении сферы применения упрощенного производства по гражданским делам⁶.

Исходя из Обзора данных судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов, в 2019 г. в упрощенном порядке рассмотрено 35,7 % арбитражных дел (670,7 тыс.). При этом доли упрощенного порядка несколько различаются по категориям дел от общего числа рассмотренных дел по соответствующей категории:

- по экономическим спорам из гражданских правоотношений – 45,9 % от числа рассмотренных дел соответствующей категории;
- из административных правоотношений и иных публичных правоотношений – 19,0 %;
- о привлечении к административной ответственности – 27,1 %;
- об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности – 45,3 %.

Структура дел, рассмотренных с использованием упрощенного порядка:

- 79,9 % – дела из гражданских правоотношений (из которых 96,2 % – по заявлениям о взыскании денежных средств);
- 14,7 % – дела по экономическим спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений;
- 2,5 % – дела о привлечении к административной ответственности;
- 2,8 % – дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности.

Следует особо подчеркнуть, что почти по каждому пятому делу (18,6 %, или 153,3 тыс.), по которому было начато производство в упрощенном порядке, осуществлен переход от упрощенного порядка рассмотрения к рассмотрению по общим правилам.

В структуре арбитражных дел по экономическим спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (не включая дела, связанные с применением законодательства об административных право-

нарушениях), рассмотренных в упрощенном порядке, основную часть (94,7 %) составляют дела о взыскании обязательных платежей и санкций.

Число дел, рассмотренных по упрощенной процедуре, в сравнении с 2018 г. в целом по всем арбитражным судам субъектов Российской Федерации увеличилось на 5,9 %. Однако динамика существенно различается по отдельным арбитражным судам субъектов Российской Федерации⁷.

Анализируя статистику Судебного департамента при Верховном Суде РФ по делам, рассмотренным в порядке упрощенного судопроизводства за 2017–2019 гг., можно сделать вывод о тенденции увеличения количества таких дел, в частности, в 2017 г. – 624 099; в 2018 г. – 633 536; в 2019 г. – 670 671.

Так, в первом полугодии 2019 г. судами общей юрисдикции в упрощенном порядке рассмотрено:

- 63 000, что составляет 1 % от общего числа гражданских дел;
- 25 000 – 1 % от общего числа административных дел.

При этом в арбитражных судах 28 % всех экономических споров рассмотрено в приказном порядке, а в упрощенном – 34 %.

По мнению В. М. Лебедева, небольшое число дел, рассмотренных этими судами, связано с тем, что законодатель не согласился с инициативой Верховного Суда РФ о расширении упрощенного производства по гражданским и административным делам⁸.

С момента вступления в юридическую силу норм Федерального закона от 23 ноября 2018 г. № 451-ФЗ прошло более двух лет, однако и в настоящее время в сфере упрощенного производства в административном судопроизводстве остается много нерешенных проблем. Следует отметить, что большая часть законодательных новелл, внесенных в КАС РФ с 2016 по 2020 г., направленных на совершенствование института упрощенного производства в административном судопроизводстве, носит положительный характер. Тем не менее следует согласиться с мнением Е. А. Царегородцевой, что «некоторые аспекты требуют дополнительного осмысления для проработки будущего вектора развития упрощенных процедур»⁹.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» внесены существенные изменения в главу 33 КАС РФ «Рассмотрение административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства», которые коснулись содержания практически каждой ее статьи, нуждающейся в разъяснениях Пленума Верхов-

ного Суда РФ с целью обеспечения единообразного применения судами общей юрисдикции норм данной главы.

Следует отметить, что по положениям рассматриваемой главы давались неоднократные разъяснения, вносились изменения (2016–2020 гг.)¹⁰.

Конституционное право Верховного Суда РФ, выступающего в качестве высшего судебного органа по административным делам посредством административного судопроизводства, давать разъяснения по вопросам судебной практики закреплено в ст. 126 Конституции РФ.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ введена ст. 294.1, устанавливающая порядок отмены решения суда по административному делу, которое рассмотрено в порядке упрощенного (письменного) производства судом, принявшим решение.

Анализируя положения ГПК РФ и КАС РФ, Е. А. Соломенко приходит к выводу «о существовании законодательно обеспеченной возможности рассмотрения в порядке упрощенного производства дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений»¹¹. Предлагается расширить возможность применения упрощенного производства в гражданском процессе за счет включения в ст. 232.2 ГПК РФ прямого указания на рассмотрение в упрощенном порядке «таких дел особого производства, как дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния и по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении, вне зависимости от воли лиц, участвующих в деле»¹².

В связи с этим по вопросам применения упрощенного производства было принято несколько разъясняющих постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Постановлением Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» разъяснялось, что согласие сторон на рассмотрение дела в таком порядке требуется, при этом также подчеркивалось, что указание в исковом заявлении третьих лиц само по себе не является препятствием для рассмотрения дела в упрощенном порядке¹³.

Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 42 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства»¹⁴ дает четкое разграничение отличий между при-

казным и упрощенным административным судопроизводством и определяет упрощенное производство как специальный порядок рассмотрения административных дел без проведения судебного заседания и ведения протокола при соблюдении установленных законом процессуальных гарантий прав и интересов лиц, участвующих в деле, который, в отличие от приказного производства, предполагает наличие спора.

Анализируя разъяснения Верховного Суда РФ от 8 апреля 2020 г., к «техническим огрехам» ученые относят «упоминание в числе безотлагательных дел приказного и упрощенного производства, которые в принципе рассматриваются по документам, без поведения судебных слушаний и в отсутствие заинтересованных лиц и, следовательно, не могут быть проведены с использованием видео-конференц-связи»¹⁵.

Исходя из «работы над ошибками» судебного правотворчества в условиях пандемии коронавируса, К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, В. В. Ярков подчеркивают, что возврат к норме «должен включать также пересмотр места и значения, так называемых упрощенных судебных процедур, суррогатных по своей сути, незаслуженно получивших в последнее время чрезмерное распространение», при этом причину они видят не в самих упрощенных процедурах, а в «перекосах при распределении компетенции в пользу судебных юрисдикций»¹⁶.

Несмотря на то что участники процесса не присутствуют в суде, а заседания не проводятся, по мнению Д. И. Крымского, во-первых, с суда не снимается обязанность по выяснению обстоятельств дела, и, во-вторых, «упрощенные производства существенным образом не уменьшают нагрузку на судью»¹⁷. В своем докладе «О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год» В. М. Лебедев указал на основную цель развития института упрощенного производства – сокращение избыточных судебных процедур¹⁸.

Е. Б. Макеева определяет упрощенное производство как «прогрессивный, жизнеспособный, своевременный, эффективно функционирующий и активно применяемый на практике инструмент рассмотрения несложных по правовому содержанию дел с незначительными по суммам требованиями», особенно раскрывший свои достоинства в условиях пандемии COVID-19, когда дела рассматривались судами в обычном режиме¹⁹. По мнению А. Р. Шариповой, от ограничений, связанных с пандемией коронавируса, в наименьшей степени «пострадали» арбитражные суды, благодаря их наибольшей «цифровизации»²⁰.

О. А. Мариненко и Е. А. Гнатко, указывая на «прогрессивное влияние письменного судопроизводства на административный процесс» в связи с его упрощением, экономической и процессуальной экономией, отмечают необходимость «более четко регламентировать некоторые положения закона (касающиеся, к примеру, оснований для рассмотрения дела в упрощенном производстве, мер предварительной защиты иска, понятия сложности/несложности административных дел, др.)»²¹.

Анализируя упрощенное судопроизводство, Е. Фарафонтова подчеркивает, что, с одной стороны, оно способствует скорейшему разрешению дела, а с другой – в некоторой степени ограничивает процессуальные права участников арбитражного процесса²².

Таким образом, основными чертами института упрощенного (письменного) производства в административном судопроизводстве являются следующие:

- отсутствие устного разбирательства;
- исследование судом доказательств судом только в письменной форме (объяснений, возражений, отзывов, заключений прокурора);
- запрет на применение правил упрощенного (письменного) производства на рассмотрение административных дел судами апелляционной и кассационной инстанций;
- необходимость наличия согласия административного истца и административного ответчика на упрощенный порядок);
- сумма задолженности по обязательным платежам и санкциям не должна превышать 20 000 руб.;
- запрет на рассмотрение в упрощенном производстве дел, предусмотренных главами 24, 28–31.1 КАС РФ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в практике рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражных судов дел в упрощенном (письменном) порядке административного судопроизводства прослеживается тенденция роста количества таких дел.

Позиция Верховного Суда РФ о перспективах расширения категории дел, рассматриваемых в упрощенном (письменном) административном судопроизводстве, представляется вполне обоснованной в связи тем, что упрощенный порядок позволяет судам принять решение в кратчайшие сроки. При этом запрет, установленный законодателем на рассмотрение дел в упрощенном порядке судами второй инстанции, гарантирует возможность участия лица, не согласного с решением суда первой инстанции, в рассмотрении его жалобы, что является гарантией соблюдения прав участников административного судопроизводства.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г., с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек. ; 2020. 16 марта ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

² См.: Доклад Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева «О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год». URL: <https://www.iuaj.net/node/2808>

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.12.2020).

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁵ Например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 227 АПК РФ в упрощенном подлежат рассмотрению дела о привлечении к административной ответственности за правонарушение, по которым административный штраф не превышает 100 тыс. руб.

⁶ См.: Доклад Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева «О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год». URL: <https://www.iuaj.net/node/2808>

⁷ Так, в арбитражных судах Республики Адыгея, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Воронежской, Курганской, Орловской, Смоленской областей, города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, города Севастополя, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отмечается рост на 20–40 %; в арбитражных судах Республики Ингушетия, Магаданской и Сахалинской областей увеличение составило более 40 %; в несколько раз возросло число дел, рассмотренных в упрощенном производстве в арбитражных судах Чеченской Республики и Чукотского автономного округа. Однако в ряде арбитражных судов субъектов РФ отмечается противоположная динамика: в арбитражных судах Республики Алтай, Карачаево-Черкесской Республики, Владимирской и Костромской областей – снижение числа рассмотренных дел в упрощенной процедуре в диапазоне 20–40 %, в Арбитражном суде Республики Крым снижение составило 47 %. См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2019 году. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_arbitragnih_sudov_v_2019_godu.pdf

⁸ См.: Лядова Ю. Упрощенное производство в арбитражном процессе : основные минусы и ловушки в поствирусный период. URL: <https://pravo.ru/news/216616/>

⁹ Царегородцева Е. А. Реформирование упрощенного производства : цели и результаты // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 31.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что в главу 33 КАС РФ вносились изменения только Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523. При этом в целом же в КАС РФ – 26 федеральными законами (от 29.06.2015 № 190-ФЗ, от 30.12.2015 № 425-ФЗ, от 15.02.2016 № 18-ФЗ, от 05.04.2016 № 103-ФЗ, от 02.06.2016 № 169-ФЗ, от 23.06.2016 № 220-ФЗ, от 28.06.2016 № 223-ФЗ, от 03.07.2016 № 303-ФЗ, от 28.03.2017 № 39-ФЗ, от 01.05.2017 № 87-ФЗ, от 28.05.2017 № 101-ФЗ, от 28.05.2017 № 102-ФЗ, от 29.07.2017 № 223-ФЗ, от 29.07.2017 № 274-ФЗ, от 05.12.2017 № 380-ФЗ, от 28.12.2017 № 421-ФЗ, от 19.07.2018 № 213-ФЗ, от 29.07.2018 № 265-ФЗ, от 28.11.2018 № 451-ФЗ, от 27.12.2018 № 562-ФЗ, от 26.07.2019 № 197-ФЗ, от 02.12.2019 № 406-ФЗ, от 27.12.2019 № 494-ФЗ, от 31.07.2020 № 244-ФЗ, от 31.07.2020 № 267-ФЗ, от 08.12.2020 № 428-ФЗ) и одним постановлением Конституционного Суда РФ – от 24.03.2020 № 12-П.

¹¹ Соломенко Е. А. Новые возможности упрощенного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 32.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Российская газета. 2017. 25 апр.

¹⁴ Там же. 2020. 30 дек. С. 10.

¹⁵ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса : нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 116.

¹⁷ Крымский Д. И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 55.

¹⁸ См.: Доклад Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева «О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год». URL: <https://www.iuaj.net/node/2808>

¹⁹ См.: Макеева Е. Б. Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе : взгляд практика // Российский судья. 2020. № 12. С. 20.

²⁰ См.: Шарипова А. Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам : сравнение по отдельным параметрам // Lex Russica. 2020. № 11. С. 55.

²¹ См.: Мариненко О. А., Гнатко Е. А. Упрощенное (письменное) производство в административном судопроизводстве РФ // Администратор суда. 2020. № 3. С. 16.

²² См.: Фарафонов Е. Упрощенное судопроизводство в арбитражном процессе : тенденции развития // Административное право. М., 2013. № 4. С. 21.

Воронежский государственный университет

*Гриценко В. В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и административного процессуального права
e-mail: vvgritsenko@mail.ru*

Voronezh State University

*Gritsenko V. V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Administrative and Administrative Procedural Law Department
e-mail: vvgritsenko@mail.ru*

УДК 342.9

В. А. Зюзин

*Российский государственный университет правосудия***НЕОБХОДИМОСТЬ АУТОНОМИЗАЦИИ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Статья посвящена проблематике доктринального разделения принципов законности и справедливости при рассмотрении административных дел в современных условиях. Анализируются зарубежный опыт и российская судебная практика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: административное судопроизводство, принцип законности, принцип справедливости, справедливое судебное разбирательство.

**THE NEED FOR AUTONOMY IN ADMINISTRATIVE
PROCEEDINGS OF THE PRINCIPLES OF LEGALITY AND JUSTICE**

The article is devoted to the problem of the doctrinal separation of the principles of legality and justice in the consideration of administrative cases in modern conditions. Foreign experience and Russian judicial practice are analyzed.

К e y w o r d s: administrative proceedings, principle of legality, principle of justice, fair trial.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Теория принципов судебного административного процесса в российской административно-процессуальной науке основывается в основном на советской правовой доктрине и не полностью отражает современные реалии. Обратим внимание на принципы законности и справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел, закрепленные в ст. 6 Кодекса административного судопроизводства РФ. Указанные принципы административного судопроизводства установлены вместе в одном пункте исследуемой статьи. Такое сочетание законности и справедливости в одном пункте можно обосновать только фундаментальностью и конституционно-правовой значимостью двух разных принципов разрешения административных дел. И здесь к традиционному для отечественной доктрины принципу законности добавляется современный, мало исследованный принцип справедливости как конституционно-правовое требование соблюдения высоких стандартов правового государства.

Закрепление двух разных принципов в одной части статьи Кодекса не означает их тождества и не позволяет сделать преждевременный вывод о возможности объединения отдельных принципов законности и справедливости в один принцип или воспринимать такое соседство как некую «законность плюс». Кодекс не дает непосредственно понятия законности и справедливости в административном судопроизводстве, а

лишь перечисляет в ст. 9 юридически значимые действия, которыми достигаются законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел. Причем законодатель не разделяет обеспечение отдельно принципа законности и принципа справедливости. Таким образом, актуальным видится автономизация данных принципов в науке административно-процессуального права России.

Принцип законности подробно исследован в отечественной административной науке¹. Главная характеристика принципа законности в части рассмотрения административных дел заключается в том, что он носит декларативный характер и не имеет прикладного значения при разрешении конкретного дела. Принцип законности отличается предельной абстрактностью, обобщенностью, фундаментальностью, неконкретностью.

Законность в зарубежных странах понимается как правовое положение участников административного дела, при котором режим реализации прав и законных интересов частного лица соответствует сложившемуся в современном правовом государстве стандарту надлежащего исполнения и соблюдения публичным органом правовых норм, а также требованиям, предъявляемым к хорошей администрации².

Принцип справедливости в отличие от законности при своей фундаментальности и абстрактности носит не декларативный, а инструментальный, прикладной характер и может использоваться судьей для разрешения индивидуально-конкретного дела.

Современное понимание принципа справедливости невозможно определить без исследования его конституционно-правового смысла, а также обращения к доктрине зарубежных стран. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 определено, что положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующих издания внутригосударственных актов для применения, действуют непосредственно. Основным международным актом, содержащим процессуальные принципы, является Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г., ратифицированная РФ, прежде всего ст. 6.1 данной конвенции, устанавливающая право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В зарубежных странах Европейский суд по правам человека, а также именно административные суды и административные трибуналы на основе конституционных идей и международных актов вырабатывали критерии применения принципа справедливости при разрешении административных дел.

Принцип справедливости предполагает, что каждый, кто обязан принимать решения по административному делу, должен действовать в рамках и по сути судебной процедуры, рассматривать поставленный перед ним вопрос непредвзято и предоставить каждой из сторон возможность адекватно изложить дело. Решение должно приниматься в духе и с чувством ответственности трибунала, чей долг – вершить правосудие³. Право на справедливое разбирательство, согласно позиции Федерального Конституционного Суда Германии, «не содержит никаких определенных во всех деталях требований и запретов; напротив, это право требует конкретизации в соответствии с объективными условиями»⁴.

В широком смысле принцип справедливости относится к идее правосудия, основанного на разуме, а не правосудия, основанного на законе. В более узком смысле справедливость представляет собой поправку к писаному праву, когда применение последнего влечет за собой явно несоразмерные последствия. Она может использоваться также для восполнения пробелов в законодательстве и нормативных актах по конкретным делам, которые они не охватывают⁵.

Практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ идет по общеевропейскому пути и определяет прикладные критерии принципа справедливости (справедливого судебного разбирательства) через пропорциональность и

соразмерность осуществляемых административно-публичными органами действий и комплексного (всестороннего) подхода к конкретным обстоятельствам дела. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал взаимосвязь ст. 57, 1 (ч. 1), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции страны, указывая, в частности, что федеральный законодатель связан требованиями обеспечения конституционных принципов равенства, справедливости и соразмерности и вместе с тем располагает достаточной свободой усмотрения (определения от 23 июня 2005 г. № 272-О, от 15 мая 2012 г. № 809-О, от 25 сентября 2014 г. № 2014-О и др.).

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в постановлении от 25 февраля 2014 г. № 4-П, признается особая роль суда как независимого и беспристрастного арбитра и вместе с тем наиболее компетентного в сфере определения правовой справедливости органа государственной власти.

Так, применение административного наказания в виде предупреждения в конкретном случае может отвечать общим конституционным принципам справедливости наказания, его индивидуализации, соразмерности конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, разумности и является достаточным для реализации превентивного характера мер административной ответственности (постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2020 г. по делу № А20-1811/2019). При оспаривании распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации и решения о депортации Решение Министерства юстиции исследовалось на предмет оправданности, справедливости и соразмерности с учетом степени опасности деяний административного истца (Кассационное определение ВС РФ от 27 февраля 2019 г. № 77-КГ18-25).

Дальнейшее исследование конституционно-правовой сущности принципа справедливости позволяет отделить составляющие элементы справедливости от законности в ст. 9 КАС. Считаем, что законность при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечивается соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий.

Справедливость, в свою очередь, обеспечивается получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод. Так, правосудие можно признать справедливым при наделении лица как минимум следующими правами:

- а) быть незамедлительно и подробно уведомленным о характере административного дела;
- б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей позиции;
- в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника;
- г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Именно применение принципа справедливости позволяет судам избежать формального подхода при разрешении административных дел, который умаляет конституционное право на судебную защиту, предполагающее не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, которая, не будучи формальной, должна гарантировать эффективное восстановление в правах в соответствии с законодательно закрепленными критериями. Конституционный Суд РФ сформулировал, что право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; при этом законодательное регулирование не должно отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, а возможные их ограничения должны быть соразмерными и обуславливаться необходимостью защиты конституционных ценностей (постановления от 3 февраля 1998 г. № 5-П, от 16 марта 1998 г. № 9-П, от 25 декабря 2001 г. № 17-П и от 27 декабря 2012 г. № 34-П).

Кроме того, судебная защита прав не должна прекращаться с вступлением решения суда в силу, т. е. ограничиваться только вынесением решения по административному делу. Право на

справедливое судебное разбирательство видится мнимым, если решение суда по административному делу не будет исполнено. Такая ограниченная защита разрушает доверие между государством и гражданами, что чрезвычайно важно для современного этапа развития российского общества. Поддержание доверия между частными лицами и органами власти вписывается в текущие запросы общества на справедливость и гуманизм в отношениях с администрацией. Актуален запрос на справедливость и в свете внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 г., в частности, внесения ст. 75.1, в которой указывается на обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность.

Одной из отправных точек для построения сбалансированной системы следует признать принцип справедливости в административном судопроизводстве, который необходимо доктринально четко отделять от принципа законности.

¹ См.: Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебник. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. С. 210–215 ; Стариков Ю. Н. Законность как принцип административных процедур и административного судопроизводства : развитие и юридическая конкретизация в отраслевом законодательстве на основе общей теории законности // Ежегодник публичного права 2018 : Принципы административных процедур и административного судопроизводства. М. : ИнфотропикМедиа, 2018. С. 37–61.

² См.: Harlow C. Freedom of Information and Transparency as Administrative and Constitutional Rights // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 1999. Vol. 2. P. 285–302.

³ См.: Kumar J. B. Principles of natural justice // J.T.R.I Journal. 1995. Vol. 3. P. 1–7.

⁴ Пуделька Й. Общие принципы административного производства // Ежегодник публичного права 2018 : Принципы административных процедур и административного судопроизводства. М. : ИнфотропикМедиа, 2018. С. 2–10.

⁵ См.: Рекомендация Rec (2001) 9 Комитета министров Совета Европы государствам-членам об альтернативах судебному разбирательству между административными органами и частными сторонами // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 106–127.

Российский государственный университет правосудия (Москва)

*Зюзин В. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой
e-mail: vi-zin@list.ru*

Russian State University of Justice (Moscow)

*Zyuzin V. A., PhD in Law, Assistant Professor of the Department of Administrative Law and Process named after N. G. Salisheva
e-mail: vi-zin@list.ru*

С. Н. Махина, И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
И ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

В статье проводится анализ процесса цифровизации судебной системы России; освещается зарубежный опыт цифрового правосудия. Дается оценка этому процессу с позиции эффективности и качества, посредством критериев, обозначенных авторами. Формулируется вывод о наиболее благоприятных для российской судебной системы направлениях дальнейшего внедрения цифровых технологий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация, судебная система, административное судопроизводство, эффективность, критерии эффективности, принципы правосудия.

**DIGITALIZATION OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS AS A FACTOR
OF INCREASING THE EFFECTIVENESS AND EFFICIENCY OF THE
IMPLEMENTATION OF STATE FUNCTIONS:
RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

The article analyzes the process of digitalization of the Russian judicial system and highlights the foreign experience of digital justice. This process is evaluated from the point of view of efficiency and quality, using the criteria identified by the authors. The conclusion is formulated about the most favorable directions for the further introduction of digital technologies for the Russian judicial system.

K e y w o r d s: digitalization, judicial system, administrative proceedings, efficiency, efficiency criteria, principles of justice.

В последние годы одной из основных тенденций для государств, которые преследуют цели улучшения качества жизни населения, развития конкурентоспособной экономики является цифровизация. Глобальная цифровизация – звучит внушительно. В таком плане цифровизация представляет собой концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях. Внедрение таких технологий происходит во все сферы жизни общества: экономическую, социальную, сферу государственного управления. Кроме того, необходимо заметить, что такая концепция широко применяется во всех без исключения странах.

Если проанализировать различные подходы к термину «цифровизация», то можно найти самое простое и понятное для всех определение данной категории, а именно понимание цифровизации как внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства.

Цифровая трансформация любого государства является частью реформы государственного управления. В настоящее время, без всякого

сомнения, можно утверждать, что практически во многих сферах государственного управления как в России, так и в иностранных государствах, активно меняется соотношение человеческого и технического участия. Повсеместно происходит внедрение роботов и искусственного интеллекта.

Серьезными мировыми лидерами в данном процессе на сегодняшний день являются Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Китай, Сингапур. Невольно возникает вопрос о том, как обстоят дела в России применительно к процессу внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни?

Мощным толчком в развитии информационного общества в России стала «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г.¹. В соответствии с данным документом органы государственной власти, бизнес, граждане в своей деятельности должны активно использовать информационные и коммуникационные технологии. В «Стратегии» содержатся определения таких кате-

горий, как информационное общество, информационное пространство, обработка больших объемов данных и ряда других категорий. Пункт 36 данного документа раскрывает перечень важных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий, среди которых:

- 1) обработка больших объемов данных;
- 2) искусственный интеллект;
- 3) робототехника и биотехнологии.

Другим, не менее важным документом, является «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», которая утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642². Она определяет в качестве одного из приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации на ближайшие 10–15 лет переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создания систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта (подп. «а» п. 20).

Следующим шагом в процессе развития основ цифровизации в России стало появление «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», которая была утверждена Указом Президента Российской Федерации 10 октября 2019 г. № 490³. Данный документ определил важнейшие понятия в области исследуемой проблематики. Так, искусственный интеллект представляют в виде комплекса технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. По замыслу авторов-разработчиков указанной выше стратегии, комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (подп. «а» п. 5).

Под самим технологическим решением Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. понимает некую технологию, программу, разработанную для электронно-вычислительных машин, базу данных или их совокупность, а также сведения о наиболее эффективных способах их использования (подп. «м» п. 5).

Кроме того, в данном документе отмечено, что в настоящее время в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений,

разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений, что обусловлено, в том числе потребностью в обработке больших объемов данных, создаваемых как человеком, так и техническими устройствами для повышения эффективности экономической и иной деятельности (п. 11). Не менее важен и тот факт, что одной из основных целей развития искусственного интеллекта в Российской Федерации является обеспечение национальной безопасности и правопорядка (п. 23).

Анализируя Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г., мы приходим к выводу, что Глава государства подчеркивает особую значимость отечественных технологий искусственного интеллекта, налаживания современного регулирования оборота больших данных в контексте многократного возрастания скорости технологических изменений в мире⁴.

Многообещающие перспективы цифрового развития России и превращения ее в мощное цифровое государство, содержащиеся в указанных выше документах, позволяют нам предполагать, что функции самого государства будут реализованы значительно более эффективно и результативно по всем направлениям государственной деятельности. И это очень важный момент. Однако, рассуждая далее, мы задаемся вопросом о том, что такое «эффективность»? Какими критериями она измеряется?

Обращаясь, например, к словарю финансовых терминов, мы встречаем определение эффективности (от англ. effect) как некой оценочной характеристики результата конкретного процесса, например, функционирования, использования, управления, развития и т. д., отражающей степень достижения поставленной цели или задачи.

В научных трудах Н. И. Глазуновой содержится определение, согласно которому «эффективность есть синоним действенности и относится к достижению того, чего мы хотим добиться. Это согласованность результата с целью»⁵.

А. В. Новиков под эффективностью понимает такую характеристику явления, «которая относится, скорее всего, к процессу его действия. Поэтому эффективность носит динамический оттенок и характеризует не столько само явление, сколько его способность достигать поставленные цели»⁶.

Анализ определений эффективности позволяет нам выделить некоторые ее критерии. Деятельность эффективна, если:

- результат деятельности полностью соответствует цели;
- процесс достижения нужного результата

(цели) был более экономичен во всех отношениях, чем тот, с которым сравнивают;

– в процессе достижения цели субъектами деятельности не были нарушены, ущемлены права и свободы человека и гражданина.

Таким образом, оценивая эффективность той или иной деятельности государства, мы сталкиваемся с оценкой процесса достижения результата (цели), процесса реализации функции государства. Иными словами, речь идет о процессуальной деятельности. Применительно к теме исследования нас интересует влияние цифровизации на повышение эффективности и качества процессуальной деятельности судов по рассмотрению административных дел или не что иное, как административное судопроизводство.

Итак, попытаемся проанализировать и оценить процесс цифровизации административного судопроизводства в России. Выступая в мае 2018 г. на пленарном заседании Петербургского юридического форума, премьер-министр Российской Федерации Д. А. Медведев отметил, что цифровые технологии активно пронизывают все сферы государственной деятельности, в том числе и судебную⁷. Уже длительное время в России предпринимаются усилия по разработке многофункциональной платформы электронного правосудия. В отечественной и зарубежной литературе термин «электронное правосудие» используется достаточно часто. Ученые и судьи понимают «электронное правосудие» как способ и форму реализации процессуальных действий, предусмотренных законом и основанных на использовании информационных технологий в судебной деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц, в цифровом виде. Ученые совместно с представителями судебной системы обсуждают возможности модификации всего судебного процесса в целом.

Если подводить промежуточные итоги по состоянию на 2020 г., то можно отметить, что идеи «электронного правосудия» в России постепенно реализуются. Так, электронным ресурсом ГАС «Правосудие» на данный момент обеспечены все суды общей юрисдикции. Возможности такой системы способствуют обработке статистических данных, формированию и сохранению архивов документов суда, в том числе и судебных постановлений, упрощению процедуры подачи гражданами электронных документов, процедуры получения гражданами юридически значимых документов.

Эффективно и значительно экономично проявила себя система оповещения участников судебного процесса посредством смс-сообщений. Другим элементом цифровизации административного судопроизводства является аудиопро-

колирование судебных заседаний. По мнению судей, такое нововведение делает судопроизводство более открытым и прозрачным.

Статья 142 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации регламентирует возможность участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи. Это также элемент цифровизации административного судопроизводства.

Такова общая характеристика процесса внедрения современных цифровых технологий в российское административное судопроизводство. Для формирования общей оценки интенсивности цифровизации рассматриваемой сферы, полагаем, целесообразно обратиться к зарубежному опыту по данному вопросу. Интересным представляется опыт цифровизации правосудия таких стран, как Сингапур, КНР, Эстонии, Казахстан, Азербайджан.

Одним из первых государств, которое приступило к внедрению цифровых технологий в судебную систему, является Сингапур. В 2000 г. там заработала система электронной подачи и выдачи документов. Затем в 2011 г. начинается процесс внедрения Интегрированной электронной судебной системы (EFS) – специализированной системы электронного оборота. Данная система предоставляет возможности автоматической проверки на соответствие требованиям процессуального закона электронного документа, который поступает в суд, а также дальнейшего его направления для обработки. Интегрированная электронная судебная система Сингапура обеспечивает ведение в суде «электронного дела». Внедрение такой системы привело к сокращению расходов и повышению эффективности труда судебных работников.

Другой страной, в которой цифровые технологии проникли практически во все сферы общественной жизни, является Китайская Народная Республика. Китай славится высокими достижениями в сфере искусственного интеллекта. В последние годы достаточно активизировался процесс внедрения цифровых технологий в судебную систему данного государства, хотя этот процесс начался много лет назад. Ряд исследователей утверждает, что именно Китай является одним из лидеров во всем мире в сфере использования цифровых технологий в судопроизводстве. Именно в период пандемии 2020 г. проявились положительные результаты использования цифровизации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Китай был готов уже к «электронному правосудию». Цифровизация всех видов судопроизводства в Китае осуществляется по ряду направлений. С 2017 г. начали работу Интернет-суды.

Сначала такой суд был открыт г. Ханчжоу, затем в 2018 г. – в г. Пекине, г. Гуанчжоу. Обращение в такие суды осуществляется через Интернет, производство по делам осуществляется только в режиме онлайн. По предварительным оценкам эффективности работы таких судов специалисты в качестве положительных моментов отметили следующие: сокращение срока разбирательства, снижение объема бумажно-бюрократической работы.

В качестве метода хранения данных применяют технологию «блокчейн» (англ. blockchain или block chain) – это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга обрабатываются на разных компьютерах. Блокчейн-запись признается в качестве доказательства по конкретному делу.

Необходимо отметить, что в Китае с 2019 г. постепенно тестируют систему «умный суд». Эта система также основана на технологии искусственного интеллекта и предполагает возможности осуществления разбирательства даже без участия судьи. Процессуальные действия судами общей юрисдикции совершаются посредством электронного документооборота и системы видеоконференц-связи.

В качестве весьма серьезных недостатков процесса цифровизации всех видов судопроизводства в Китае исследователи отмечают существенное отставание законодательства данного государства от развития цифровых технологий. Это в свою очередь приведет к значительному ущемлению законных прав участников судебного разбирательства.

Другим высокоразвитым электронным государством в мире является Эстония. На сегодняшний день есть все предпосылки к тому, что все решения по делу будет выносить электронный судья. Такая процедура может быть распространена только на мелкие судебные дела.

Интересен и опыт Казахстана. Начиная с 2017 г. в судебной системе Казахстана появилась возможность рассмотрения заявлений о вынесении судебных решений в электронном виде. Это касается приказного производства. С 2018 г. внедрение электронного правосудия предусмотрено на всех этапах процесса.

Информационная система «Электронный суд» в 2014 г. начала функционировать в Азербайджанской Республике. Алгоритмы данной системы способствуют увеличению возможностей об-

ращения в суд, снижению фактов злоупотребления при осуществлении правосудия, пресекают затягивание сроков судебного разбирательства, обеспечивают электронное делопроизводство и документооборот.

Анализ зарубежного передового опыта цифровизации правосудия позволяет отметить, что данный процесс осуществляется в странах по-разному. Ряд стран идут по пути внедрения электронного делопроизводства и документооборота, а некоторые другие страны совершают более смелые шаги в этом направлении – внедряют искусственный интеллект во все этапы судебного процесса.

Вернемся к вопросу о том, какой путь повысит качество и эффективность судопроизводства? Нам представляется, что если внедрять цифровые технологии в неэффективно функционирующую судебную систему, то это не поможет превратить ее в эффективную систему. В то же время такие технологии способны повысить качество и действенность эффективно функционирующей судебной системы.

По какому пути идти российскому судопроизводству в целом, и, в частности, административному? На этот вопрос достаточно интересно на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» ответил председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов. В своем докладе «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации»⁸ он пояснил, что система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики. Такая система может производить оценку обстоятельств дела лишь с точки зрения формальной логики. Однако, применение искусственного интеллекта, «электронного судьи» он допустил применительно к приказному производству. На основе слабого искусственного интеллекта в России разрабатывается сервис «Правосудие онлайн», что должно послужить основой цифрового правосудия. Суть данного сервиса будет заключаться в дистанционном обращении в суд в электронном формате, также дистанционно будут направляться судебные извещения, появится возможность дистанционного доступа к материалам электронных дел, получения судебных актов или их копий в электронном виде, дистанционного участия в процессе.

Нам представляется, что именно такой подход к цифровизации российского правосудия, в том числе и административного, является логически верным, максимально применимым в нынешних российских условиях, эффективным, способным учитывать все особенности личности участников

судебного процесса и в то же время значительно оптимизировать деятельность судей. Такая «разумная» цифровизация будет способствовать повышению результативности и эффективности реализации государственной функций.

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом

Президента Российской Федерации 10 октября 2019 г. № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.

⁵ Глазунова Н. И. Государственное (административное) управление : учебник. М., 2004. С. 437.

⁶ Новиков А. В. Административные процедуры в системе правового института обращений граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 21 с.

⁷ Выступление Д. А. Медведева на пленарном заседании Петербургского юридического форума (май 2018 г.). URL: <http://government.ru/news/32592/>

⁸ Выступление В. В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» (МГЮА(У), 4 апреля 2019 г.). URL: <http://www.ssrif.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548>

Воронежский государственный университет

Махина С. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

e-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Завьялова И. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета

e-mail: irina944978@mail.ru

Voronezh State University

Makhina S. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department

e-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Zavyalova I. S., Candidate of Law, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

e-mail: irina944978@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

УДК 342.9

Р. О. Опалев

Российский государственный университет правосудия (Москва)

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА ЭФФЕКТИВНУЮ СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ПРОВЕРКЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

В статье обращено внимание на особенности апелляционного и кассационного производств по административным делам. Автором обосновывается вывод о том, что соответствующие особенности обусловлены правовой природой административных дел. Их существование объясняется необходимостью обеспечения эффективной судебной защиты прав граждан и организаций, вытекающих из публичных правоотношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: проверка судебных актов, пересмотр судебных актов, апелляционная жалоба, кассационная жалоба, судебная ошибка.

ON THE RIGHT TO EFFECTIVE JUDICIAL PROTECTION IN THE REVIEW OF ADMINISTRATIVE CASES

The article draws attention to the peculiarities of appeal and cassation proceedings in administrative cases. The author argues that the peculiarities are due to the legal nature of the administrative cases. Their existence is explained by the need to ensure effective judicial protection of the rights of citizens and organizations arising from public legal relations.

К е у w o r d s: verification of judicial acts, review of judicial acts, appeal, cassation appeal, judicial error.

Как следует из решений Конституционного Суда Российской Федерации, право на обжалование судебных актов рассматривается в качестве элемента права на судебную защиту¹. Несмотря на то что в доктрине высказано несогласие с таким подходом², полагаем необходимым исходить из правовой позиции органа конституционной юстиции нашей страны, поскольку преимущества иного подхода к данному вопросу не очевидны. Кроме того, подход Конституционного Суда Российской Федерации, несомненно, направлен на обеспечение наиболее высокого уровня гарантий судебной защиты прав граждан и организаций.

В целом в отечественной теории процессуального права проверке судебных актов, устранению судебных ошибок уделялось и продолжает уделяться значительное внимание. Многие вопросы в этой сфере досконально изучены и подробно обсуждены в отдельных монографических исследованиях³. Недостаточное внимание при этом, наш взгляд, обращено на следующий концептуальный вопрос данной тематики – вопрос о полномочиях суда апелляционной, касса-

ционной инстанции при проверке судебных актов по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (административным делам).

К счастью, недостаточное теоретическое освещение обозначенного вопроса не помешало, на наш взгляд, его успешной проработке в рамках подготовки постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных применению норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции и производство в суде кассационной инстанции.

В разъяснениях данных постановлений удалось с опорой на ключевой принцип административного судопроизводства, состоящий в сочетании состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда (п. 7 ст. 6 КАС РФ), показать особенности проверки судебных актов по административным делам, обеспечивающие наиболее высокий уровень защиты прав слабой стороны публично-правового спора (гражданина, организации).

Проведенная в высшем судебном органе Российской Федерации аналитическая работа в очередной раз послужила подтверждением выводу о том, что принятый 8 марта 2015 г. КАС РФ впервые позволил создать процессуальную форму рассмотрения и разрешения административных дел, в рамках которой начало активной роли суда последовательно реализуется на всех стадиях судопроизводства, а не только на стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, как это было прежде в период действия подраздела III раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Созданная КАС РФ процессуальная форма административного судопроизводства предусматривает самые широкие полномочия судов проверочных инстанций, обеспечивающие защиту прав слабой стороны публично-правового спора путем устранения судебных ошибок, допущенных при рассмотрении и разрешении административных дел нижестоящими судами.

Так, в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее – постановление Пленума № 5) подчеркнуто, что в силу ч. 1 ст. 308 КАС РФ суд апелляционной инстанции рассматривает административное дело в полном объеме и не связан основаниями и доводами, изложенными в апелляционных жалобе, представлении, частной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

В п. 29 постановления Пленума № 5 дано разъяснение о том, что, если при удовлетворении требований об оспаривании решений, действий (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, судом первой инстанции не разрешен связанный с их удовлетворением вопрос о необходимости принятия административным ответчиком каких-либо решений, совершения каких-либо действий в целях устранения нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца либо препятствий к их осуществлению, данный вопрос может быть разрешен судом апелляционной инстанции в апелляционном определении об изменении обжалованного решения.

В п. 32 постановления Пленума № 5 в очередной раз обращено внимание на следующее: вопрос о том, могли ли доказательства быть представлены лицами, участвующими в деле, в суд первой инстанции, не имеет в рамках производства в суде апелляционной инстанции правового значения, если соответствующие доказатель-

ства необходимы для принятия законного и обоснованного решения и в связи с этим подлежали истребованию судом первой инстанции по своей инициативе независимо от волеизъявления участников спора. Ранее на это указывалось в п. 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

В п. 40 постановления Пленума № 5 закреплена важная для обеспечения эффективной судебной защиты прав граждан и организаций правовая позиция, согласно которой суд апелляционной инстанции в целях реализации задач административного судопроизводства при установлении оснований для направления административного дела на новое рассмотрение вправе принять новое решение без направления дела на новое рассмотрение, например, по делу, подлежащему рассмотрению в сокращенный срок, либо делу, решение по которому подлежит немедленному исполнению, в том числе по делу о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни.

В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» дано разъяснение, согласно которому суд кассационной инстанции рассматривает кассационные жалобу, представление в пределах указанных в них доводов. По административным делам, затрагивающим интересы неопределенного круга лиц, а также по административным делам, указанным в гл. 28–31 КАС РФ, суд кассационной инстанции вправе выйти за пределы доводов кассационных жалобы, представления. При этом по общему правилу суд кассационной инстанции не вправе проверять законность судебных актов в той части, в которой они не обжалуются, а также законность судебных актов, которые не обжалуются (ч. 2 ст. 329 КАС РФ). Однако если обжалуемая часть судебного акта обусловлена другой его частью или иным судебным актом, вынесенным по этому же административному делу, которые не обжалуются, то эта необжалованная часть судебного акта или необжалованный судебный акт также подлежат проверке судом кассационной инстанции.

Важно обратить внимание на то, что арбитражные апелляционные и кассационные суды, апелляционные и кассационные суды общей

юрисдикции при рассмотрении ими гражданских дел не обладают или не в полной мере обладают указанными выше полномочиями. Это обусловлено спецификой процессуальных отношений, возникающих в рамках административного судопроизводства. Именно в административном судопроизводстве строгая состязательность оправданно уступает место активной роли суда, служащей установлению истины по делу. Очевидно, на наш взгляд, что оторванные от конкретики жизни общие доктринальные рассуждения о так называемой «формальной истине» и суде как независимом арбитре в споре сторон выглядели бы кощунством по отношению к общечеловеческим ценностям в случаях, когда речь идет о рассмотрении административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни.

Менее явно, но всё же вполне отчетливо необходимость установления истины по делу, в том числе в судах проверочной инстанции, проявляется и при рассмотрении других административных дел, ведь зачастую решения по ним затрагивают интересы слабой стороны правоотношения, а также общества в целом или больших социальных групп, коллективов, участников которых, как правило, невозможно привлечь к реальному участию в процессе.

В связи с этим законность и обоснованность судебных актов по административным делам должны быть гарантированы государством на самом высоком уровне независимо от того, насколько эффективно те или иные конкретные лица отстаивали свои позиции по делу в суде. Идеальная модель строгой состязательности, воспитанная в отечественной юриспруденции преимущественно в исследовательских работах 90-х гг. прошлого века, здесь не пригодна.

Ярким примером в данном случае служат решения по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов, административным делам о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, а также о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации, административные дела о призна-

нии информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Во всех этих и многих других административных делах государство не может допустить ущемления прав, свобод и законных интересов широкого круга лиц со ссылкой на неактивное поведение в процессе того или иного конкретного участника процессуальных правоотношений. Повышенный уровень судебной защиты прав граждан и организаций по делам административного судопроизводства продиктован спецификой, правовой природой этих дел и не может, на наш взгляд, ставиться под сомнение с опорой на общие положения доктрины других отраслей процессуального права (гражданского, арбитражного процессуального права)⁴.

Таким образом, полагаем, что оправданно закрепленный в тексте закона принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда (п. 7 ст. 6 КАС РФ) имеет свое уникальное конкретное содержательное наполнение, которое проявляется не только на этапе рассмотрения дела по существу, как это было прежде в период действия подраздела III раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, но и на стадии производства в суде апелляционной инстанции, стадии производства в суде кассационной инстанции. Реализация этого принципа служит залогом эффективной судебной защиты прав граждан и организаций, вытекающих из публичных правоотношений.

¹ См., например, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 1998 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части первой статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», от 6 июля 1998 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия», от 28 мая 1999 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Качука», определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2002 г. № 65-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ухлиновой Раисы Андреевны и Ухлинова Александра Германовича на нарушение их конституционных прав статьей 91 Гражданского процессуального кодекса РСФСР», от 19 февраля 2003 г. № 118-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Липатова Константина Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Рос-

сийской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” и статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Борисова Е. А.* Проверка судебных актов по гражданским делам. М. : Городец, 2005. С. 16–19.

³ См., например: *Зайцев И. М.* Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985 ; *Комиссаров К. И.* Задачи судебного надзора в сфере

гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971 ; *Пучинский В. К.* Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в советском гражданском процессе. СПб., 2007 ; *Тимофеев Ю. А.* Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе : современные проблемы. М., 2008.

⁴ См. об этом подробнее: *Громошина Н. А.* О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 96–112.

Российский государственный университет правосудия (Москва)

Опалев Р. О., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства

e-mail: CivilRAP@yandex.ru

Russian State University of Justice (Moscow)

Opalev R. O., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil and Administrative Judicial Procedure Department

e-mail: CivilRAP@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

УДК 342.9

С. П. Матвеев, Т. А. Матвеева

Воронежский государственный университет

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ

Анализируются нормы, регламентирующие порядок ведения дисциплинарного производства в системе органов внутренних дел Республики Сербия. Рассмотрены материалы бюллетеня Верховного Суда Республики Сербия, посвященные вопросам ведения дисциплинарных производств в отношении государственных служащих.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарное производство, дисциплинарный проступок, административная процедура, Министерство внутренних дел.

DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN THE PUBLIC SERVICE PROCESS: THE POSITION OF THE SUPREME COURT REPUBLIC OF SERBIA

The article analyzes the norms governing the procedure for conducting disciplinary proceedings in the system of internal affairs bodies of the Republic of Serbia. The materials of the bulletin of the Supreme Court of the Republic of Serbia, devoted to the issues of disciplinary proceedings against civil servants, were considered.

Key words: disciplinary liability, disciplinary proceedings, disciplinary offense, administrative procedure, Ministry of the Interior.

На протяжении длительного периода административной реформы в Российской Федерации вопросы повышения эффективности функционирования государственного аппарата остаются одной из актуальных проблем.

В числе мер, ориентированных на модернизацию государственного управления, необходимо выделить дальнейшее развитие правового института дисциплинарной ответственности государственных служащих, поскольку установление и поддержание дисциплины рассматриваемой категории лиц неразрывно связаны с укреплением законности в деятельности государственных органов. Например, в ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ предусмотрена обязанность сотрудников органов внутренних дел соблюдать служебную дисциплину. Требования соблюдать служебную дисциплину установлены для сотрудников таможенных органов Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-

ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»². Аналогичные нормы содержатся и в других нормативных актах, регулирующих процесс прохождения отдельных видов государственной службы. Как известно, служебная дисциплина с точки зрения правовых способов ее поддержания, теснейшим образом связана с дисциплинарной ответственностью. В связи с этим вполне логичным и обоснованным представляется анализ зарубежного законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности государственных служащих, а также материалов судебной практики по указанным вопросам.

В Республике Сербия правовой статус сотрудников полиции определен Законом о полиции 2018 г.³ По своему правовому положению сотрудники полиции относятся к категории государственных служащих, дисциплинарные отношения которых регулируются как специальными нормами, так и нормами общего применения. Так, в соответствии с п. 5 ст. 211 Закона о полиции⁴ Правительством Республики Сербии был принято Положение «О порядке проведения дисциплинарного производства в Министерстве

внутренних дел»⁵ (далее – Положение). В данном нормативном акте определен порядок проведения дисциплинарных производств в отношении сотрудников полиции в системе органов Министерства внутренних дел, а также другие вопросы, относящиеся к процедуре возбуждения дисциплинарного производства, принятия решений по существу дисциплинарных дел и организации работы дисциплинарных органов, ведения учета наложенных дисциплинарных взысканий.

Прежде всего, в Положении регламентируются обязанности непосредственного начальника подчиненного, совершившего дисциплинарный проступок. Так, в соответствии со ст. 2 непосредственный начальник обязан в кратчайший возможный срок после обнаружения факта совершения дисциплинарного проступка его подчиненным подать начальнику подразделения или уполномоченному им лицу рапорт о необходимости возбуждения дисциплинарного производства. Обращает на себя внимание, что срок подачи рапорта о дисциплинарном проступке подчиненного не конкретизирован, а определен как «кратчайший возможный срок». В аналогичной ситуации российскими нормативными актами устанавливается конкретный срок. Например, приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁶ установлено, что решение о проведении служебной проверки, обязательно предшествующей дисциплинарному наказанию, должно быть принято не позднее двух недель с момента получения соответствующим начальником информации, являющейся основанием для ее проведения.

Положением установлена еще одна обязанность непосредственного начальника. До подачи рапорта о дисциплинарном проступке подчиненного он обязан изучить все обстоятельства, имеющие значение для возбуждения дисциплинарного производства, основываясь на материалах, фактах, свидетельствующих о совершении дисциплинарного проступка. Однако в этот период для сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок, предусмотрена гарантия: в Положении указывается, что до возбуждения дисциплинарного производства сотрудник не обязан излагать обстоятельства нарушения служебных обязанностей, т. е. свидетельствовать против себя.

Начальник структурного подразделения или лицо, уполномоченное им возбуждать дисциплинарное производство, после получения рапорта о необходимости возбуждения дисциплинарного производства обязан проверить наличие

препятствий для его возбуждения и отклонить его с заключением, если: 1) действие, указанное в рапорте о необходимости возбуждения дисциплинарного производства, не подпадает под признаки дисциплинарного правонарушения; 2) истек срок давности для возбуждения дисциплинарного производства; 3) сотрудник, совершивший дисциплинарное правонарушение, уволен из органов.

В соответствии со ст. 4 Положения заключение о возбуждении дисциплинарного производства должно быть незамедлительно доведено до сотрудника. Заключение содержит следующие сведения: основные идентификационные данные работника (имя и фамилия); должность, подразделение, в котором он служит; фактическое описание действия, квалифицируемого как дисциплинарный проступок; юридическая квалификация нарушения служебного долга, а также доказательства, которые должны быть исследованы в ходе разбирательства; время и место совершения дисциплинарного проступка, а также другие обстоятельства, необходимые для его установления.

Как указано в Положении, «одно заключение может инициировать дисциплинарное производство в отношении нескольких сотрудников за одно или несколько нарушений служебных обязанностей, и может инициировать дисциплинарное производство в отношении одного сотрудника за несколько нарушений служебных обязанностей, если они основаны на одной и той же фактической и правовой основе».

Рассмотрение вопросов дисциплинарной ответственности сотрудников полиции относится к компетенции Дисциплинарной комиссии, имеющей первую и вторую инстанции. В соответствии со ст. 13 Положения председателем и членом Совета Дисциплинарной комиссии Министерства внутренних дел могут быть сотрудники, которые: 1) имеют не менее пяти лет стажа работы в дисциплинарной комиссии первой инстанции; 2) имеют стаж работы в органах Министерства внутренних дел не менее 10 лет; 3) не привлекались ранее к дисциплинарной ответственности. Наряду с сотрудниками органов внутренних дел в состав дисциплинарной комиссии избираются общественные представители. Каждый совершеннолетний гражданин Республики Сербия, достойный статуса общественного представителя в Совете Дисциплинарной комиссии, может быть назначен в качестве такового. Вместе с тем при назначении общественного представителя учитываются его опыт и знание нормативных актов в сфере деятельности органов внутренних дел. Кроме того, установлены ограничения: представитель общественности не может быть юри-

стом, не может оказывать юридические услуги за вознаграждение, не может осуществлять иную деятельность, могущую поставить под сомнение его объективность и беспристрастность.

Слушание дела о дисциплинарном проступке происходит на заседании дисциплинарной комиссии, в процессе которого сотрудник имеет право на свою защиту. Такая защита может осуществляться самим сотрудником, с помощью доверенного лица – представителя, а также посредством представления в комиссию письменных документов. Кроме того, интересы сотрудника в процедуре работы комиссии могут быть представлены представителем профсоюза, членом которого он является, если сотрудник уполномочит его на такие действия, представив письменное разрешение.

В том случае, если сотрудник в процессе слушания его дела отказывается сотрудничать с дисциплинарной комиссией, не отвечает на заданные вопросы, дисциплинарный инспектор, ответственный за ведение дисциплинарного производства, фиксирует это в протоколе. В этом случае комиссия рассматривает имеющуюся в материалах дела информацию, заслушивает свидетельские показания и на этом основывает свое решение. При неявке сотрудника на заседание комиссии без уважительных причин слушание производится в его отсутствие.

В процессе ведения дисциплинарного производства все письменные документы доставляются сотруднику и свидетелям по официальной почте через подразделение, в котором они служат, или в соответствии с положениями закона, регулирующего общую административную процедуру доставки корреспонденции.

В процессе проведения заседаний комиссии дисциплинарный инспектор обязан предупредить всех присутствующих на слушании о конфиденциальности информации, если такая относится к информации секретной либо к информации ограниченного пользования.

Положением определена компетенция органов внутренних дел при переводе сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок, в другие подразделения. Если во время возбуждения или проведения дисциплинарного производства сотрудник переводится в другое подразделение, то ответственным за возбуждение и ведение разбирательства, принятие решений и наложение меры дисциплинарного взыскания остается подразделение, в котором сотрудник служил на момент нарушения служебных обязанностей. Комментируя приведенную выше норму, хотелось бы отметить, что, например, в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации не регламентиру-

ется порядок осуществления дисциплинарного производства при переводе сотрудника в другое подразделение⁷.

Дисциплинарное производство прекращается в случаях, если: 1) проведение дисциплинарного производства невозможно вследствие отсутствия сотрудника; 2) дисциплинарное производство невозможно по другим уважительным причинам. Обязательной процедурой, предшествующей прекращению (приостановлению) дисциплинарного производства, является сбор всех доказательств совершенного дисциплинарного проступка, в связи с которым оно было возбуждено.

В процессе слушания дела о дисциплинарном проступке заслушиваются показания свидетелей, рассматриваются представленные документы. По завершении процедуры изучения всех доказательств дисциплинарный инспектор предоставляет последнее слово сотруднику, обвиняемому в совершении дисциплинарного проступка, либо в случае личного отсутствия – его представителю или доверенному лицу.

При назначении дисциплинарных взысканий должны приниматься во внимание обстоятельства, предусмотренные Законом о полиции, а также ранее наложенные дисциплинарные меры, которые хранятся в личном деле.

По результатам рассмотрения дисциплинарного дела по первой инстанции сотруднику, дисциплинарная ответственность которых была определена, а также лицо, инициировавшее дисциплинарную процедуру, имеют право подать обжаловать действия и решения дисциплинарной Комиссии. Жалоба подается в восьмидневный срок со дня вынесения решения.

Сотрудник, к которому была применена дисциплинарное взыскание в виде увольнения, должен быть уволен со службы в день окончательного принятия решения о наложении дисциплинарного взыскания.

Примененные дисциплинарные меры должны быть внесены в единый кадровый учет сотрудников полиции и других служащих Министерства внутренних дел. Информация в отношении дисциплинарных мер хранится в электронной форме в Единой информационной системе Министерства внутренних дел. Запись о дисциплинарном взыскании за незначительный проступок удаляется из единого кадрового учета сотрудников полиции и других сотрудников Министерства внутренних дел, если к сотруднику не будет применено новое дисциплинарное взыскание в течение следующих двух лет после наложения предыдущего, или в течение следующих четырех лет после наложения дисциплинарного взыскания за серьезное нарушение служебных обязанностей.

Проблемы дисциплинарной практики государственных служащих находят отражение в документах Верховного Суда Республики Сербия. В частности, в Бюллетене судебной практики Верховного Суда за 2009 г.⁸ рассматривался вопрос «о дополнительном применении общих процессуальных законов при определении дисциплинарной ответственности государственных служащих». Указанный вопрос рассматривался как комплекс мер государственного аппарата, направленных на предотвращение негативных социальных явлений и общественно опасных последствий нарушения законодательства, а также как одно из условий недопущения таких явлений и их последствий. В Бюллетене судебной практики Верховного Суда отмечалось, что дисциплинарное производство, как и любая другая уголовная процедура, достигает своей цели за счет возможности наложения штрафа за проступок, т. е. посредством общих и индивидуальных предупреждений. Общая профилактика отражается в осознании государственными служащими того, что поведение, которое является нарушением служебных обязанностей, недопустимо, и что в государственной системе есть эффективный и качественный правовой механизм, содержащий наказание за такое поведение. Посредством дисциплинарного производства достигается защита общества в целом, защита государственных органов, а также самих государственных служащих. Наказание государственного служащего, виновного в нарушении служебных обязанностей, позволяет индивидуализировать его ответственность и, тем самым, отграничить от других должностных лиц государственных органов, выполняющих свою работу надлежащим образом и качественно. Сделан вывод о том, что в процедуре определения дисциплинарной ответственности необходимо обеспечить право государственного служащего на справедливую процедуру и чтобы решение об ответственности принималось после установления всех решающих фактов и соблюдения презумпции невиновности.

В сербском законодательстве дисциплинарная ответственность за нарушение служебных обязанностей установлена рядом материальных и процессуальных норм, регулирующих дисциплинарное производство. В числе таких норм: Закон о государственных служащих; Закон о полиции; Закон об Агентстве безопасности и информации; Закон об армии Республики Сербия; Закон о таможене.

Как отмечается в Бюллетене судебной практики Верховного Суда, в упомянутых нормативных актах применительно к дисциплинарной практи-

ке используется разная юридическая терминология, но существенных отличий нет.

На основе материальных законов в Республике Сербия были приняты подзаконные акты, более подробно регулирующие дисциплинарные процедуры, применяемые в отношении государственных служащих, дисциплинарная ответственность которых регулируется этими законами. Так, Закон о таможене предписывает, что соответствующий министр определяет порядок проведения дисциплинарных разбирательств и наложения дисциплинарных взысканий на сотрудников таможни, а также устанавливает полномочия в области проведения мероприятий дисциплинарной практики. В соответствии со ст. 164 Закона о полиции было принято Положение о дисциплинарной ответственности в Министерстве внутренних дел.

Подзаконные акты, регулирующие дисциплинарную процедуру для определенной категории государственных служащих, устанавливают, в каких случаях к государственным служащим применяется Закон об общем административном судопроизводстве.

Верховный Суд разъясняет, что с момента вступления в силу Закона о государственных служащих их судебная защита, связанная с обжалованием решений, принятых в рамках дисциплинарного производства, осуществляется не в судах общей юрисдикции, как ранее, а в порядке административного судопроизводства. Именно так, т. е. в рамках административного судопроизводства, осуществлялась и осуществляется в настоящее время судебная защита военнослужащих по спорам, вытекающим из отношений дисциплинарного производства.

Соблюдение принципа законности в процессе дисциплинарного производства подразумевает, что никто не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности или наказан за нарушение служебных обязанностей, которые не входят в его компетенцию. В зависимости от степени влияния на процесс службы и выполнения задач, возложенных на государственного служащего, а также влияния на репутацию государственной службы, дисциплинарные правонарушения делятся на более легкие и более сложные. Закон о государственных служащих предусматривает, что государственный служащий несет дисциплинарную ответственность за нарушение служебных обязанностей, которая дифференцируется в зависимости от степени тяжести дисциплинарного проступка.

Закон об Агентстве информации по безопасности не содержит специальных норм, регулирующих дисциплинарную ответственность его сотрудников. Вместе с тем п. 1 ст. 20 предписы-

вает, что правила дисциплинарного производства, применимые к сотрудникам Агентства, аналогичны правилам, установленным Законом о полиции. Однако это относится не ко всем положениям этого закона, регулирующим дисциплинарное производство, поскольку ст. 24 Закона об Агентстве информации по безопасности предусматривает, что дисциплинарные разбирательства в отношении сотрудников Агентства проводятся без представителей общественности. Учитывая специфику службы в Агентстве информации по безопасности, в настоящее время разработан и действует Указ о дисциплинарной ответственности сотрудников Агентства информации по безопасности.

Верховный Суд Республики Сербия обращает внимание на специфику отношений начальника и подчиненного ему сотрудника в рамках дисциплинарных отношений, называя это «особым видом дисциплинарной процедуры». Данная процедура предоставляет разрешение вышестоящему должностному лицу констатировать халатное исполнение служебных обязанностей или неисполнение данных обязанностей в полном объеме. Право на наказание государственного служащего в этой сокращенной процедуре, которая не проводится в соответствии с правилами дисциплинарного производства, позволяет применять предписанные меры для поддержания служебной дисциплины более оперативно. Не подлежит сомнению, что такое положение защищает интересы служебной дисциплины посредством применения более короткой процедуры, но при этом такая процедура также открывает возможность злоупотребления правом в связи с возможностью давать дискреционную оценку нарушения служебных обязанностей подчиненными. В этом смысле право вышестоящего начальника налагать дисциплинарные взыскания (чаще всего это снижение заработной платы на определенный процент на определенный период времени) не подлежит сомнению. При этом Верховный Суд разъясняет: «Однако для того, чтобы действие было законным, до принятия такого решения должны быть установлены неоспоримые факты, правоприменителю должна быть вменена обязанность изложить все факты, важные для принятия решения, причины, способствующие совершению дисциплинарного проступка, а также причины, обусловившие применение дисциплинарного взыскания на основе усмотрения. При этом объяснение решения должно быть составлено в соответствии со ст. 199 Закона об общем административном судопроизводстве Республики Сербия.

Правовая позиция Верховного Суда Республики Сербия выражается в том, что боль-

шинство положений, регулирующих правила дисциплинарной процедуры в отношении государственных служащих, основываются на субсидиарном применении норм Закона об общем административном судопроизводстве, что соответствует немецкой модели дисциплинарной процедуры (Bundesdisziplinargesetz с 2001 г.). Указанная позиция Верховного Суда Республики Сербия объясняется тем, что дисциплинарные органы – это прежде всего административные органы, а не суды, хотя некоторые нормативные акты называют их так, и им ближе сама природа административной процедуры. Кроме того, по сравнению с уголовным судопроизводством дисциплинарное производство по-прежнему является более мягким вариантом производства, позволяющим упростить саму процедуру, принципы административного производства позволяют защищать права и интересы лиц, в отношении которых оно ведется. В дополнение ко всему вышесказанному нельзя игнорировать различие в степени и типе общественных интересов, которые охраняются в дисциплинарном производстве государственных служащих по отношению к интересам, защищаемым уголовным законодательством. В качестве положительного примера Верховный Суд Республики Сербия выделил принципы применения норм уголовного судопроизводства в дисциплинарном производстве, рекомендованные XVII Международным конгрессом по уголовному праву Международной ассоциации уголовного права (AIDP) в Пекине в 2004 г., а также сформулировал некоторые рекомендации по дисциплинарным производствам. В соответствии с этими рекомендациями, дисциплинарные санкции должны быть достаточно четко и недвусмысленно прописаны в нормативных актах, санкции за дисциплинарные нарушения должны быть разумными и соразмерными тяжести правонарушения, а также применяться с учетом личности правонарушителя. Решение, принятое в рамках дисциплинарного производства, должно основываться на точных и установленных законом гарантиях, органы дисциплинарного производства, наделенные полномочиями проводить расследование, должны быть отделены от органов, уполномоченных вести производство и налагать дисциплинарные санкции.

Представленные в статье материалы свидетельствуют о том, что в дисциплинарной практике законодательства Республики Сербия сохраняется тенденция применения норм уголовного судопроизводства в процессе дисциплинарного производства, что не расценивается Верховным Судом как позитивный процесс.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

² Там же. 1997. № 30. Ст. 3586.

³ Службенигласник РС, бр. 6 од 28 јануара 2016 ; 24 од 26 марта 2018 ; 87 од 13 новембра 2018.

⁴ Официальный вестник РС. № 6/16.

⁵ Официальный вестник РС. 2017. № 26. 20 марта.

⁶ URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808.

⁸ Врховни Суд Србије Билтен судске праксе, бр. 3/2009 Београд.

Воронежский государственный университет

*Матвеев С. П., доктор юридических наук, доцент
кафедры административного и административного
процессуального права*

e-mail: ser35031333@yandex.ru

Voronezh State University

*Matveev S.P., Doctor of Law, Associate Professor of Ad-
ministrative and Administrative Procedural Law*

e-mail: ser35031333@yandex.ru

*Матвеева Т. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и администра-
тивного процессуального права*

e-mail: tamara.alexeevna1954@yandex.ru

*Matveeva T. A., Ph.D., Associate Professor of Adminis-
trative and Administrative Procedural Law*

e-mail: tamara.alexeevna1954@yandex.ru

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ

А. Б. Зеленцов

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Старилова Максима Юрьевича на тему «Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции», представленную в объединенный диссертационный совет Д 999.25.02 на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского», ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальностям 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (Воронеж, 2020. 349 с.)

REVIEW

of an official opponent for the dissertation of Starilov Maxim Yuryevich on the topic «Measures of preliminary protection in administrative proceedings in courts of general jurisdiction», submitted to the joint dissertation council of D 999.25.02 on the basis of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the degree of candidate of legal sciences in specialties 12.00.14 – Administrative law; the administrative process; 12.00.15 – Civil process; arbitration process (Voronezh, 2020. 349 p.)

Диссертационная работа М. Ю. Старилова посвящена актуальной в современной юридической науке проблеме – разработке теории мер предварительной защиты по административному иску, формулированию выводов об эффективности административно-процессуального института предварительной защиты и подготовке предложений по совершенствованию порядка применения указанных мер в административном судопроизводстве.

Актуальность исследования сущности, содержания, назначения мер предварительной защиты, проблем практики судов общей юрисдикции по их применению в системе административного судопроизводства, перспектив законодательного регулирования и отраслевой процессуальной принадлежности института предварительной защиты обусловлена как теоретически, так и практически.

На сегодняшний день можно констатировать, что в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации содержится достаточно много различного рода новых юридических конструкций, требующих углубленного теоретического осмысления. В их число входит юридическая конструкция предварительной защиты по административному иску, которая выступает одним из действенных средств, способных реаль-

но обеспечить ориентацию административного процессуального законодательства, устанавливающего порядок рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции административных дел, на предотвращение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений, повышение эффективности судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации уполномоченными должностными лицами государственных или иных публичных полномочий.

Становление и развитие в России судебного административного права неизбежно обуславливают необходимость осмысления накопленного опыта применения хорошо известного процессуальной теории института обеспечительных мер, а также изучения практики применения судами общей юрисдикции мер предварительной защиты в рамках административного судопроизводства. Принципиальные сущностные и содержательные характеристики предварительной защиты по административному иску, соответствующие потребностям эффективной судебной правовой защиты прав и законных интересов частных лиц (граждан и организаций) в сфере публичных правоотношений, находят свое выражение в практике рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции административных дел посредством использования юридического потенциала административного судопроизводства. Вместе с тем преобразование

конструкции обеспечительных мер цивилистического процесса в институт предварительной защиты в административном судопроизводстве не привело еще в полной мере к формированию целостного, системного образования, призванного обеспечить в процессе разрешения административных споров защиту субъективных публичных прав частных лиц и законность в публичном управлении.

В таких условиях необходимость дальнейшей оптимизации и рационализации административного процессуального законодательства, повышения эффективности, целостности, системной стройности и внутренней логической и содержательной согласованности административного судопроизводства, важность исследования проблем предварительной защиты при рассмотрении административных и иных публичных правовых споров становятся очевидными и неоспоримыми.

В настоящее время проблематика специального правового содержания, юридического значения, особого процессуального режима реализации мер предварительной защиты не получила должного разрешения в юридической литературе. Несмотря на то что судебное административное право имеет прочную теоретическую основу, заложенную в трудах специалистов в области цивилистического процесса и работах ученых-административистов, в концептуальном плане проблема предварительной защиты в теории административного процессуального права не ставилась и не рассматривалась. Работа М. Ю. Старилова представляет собой первое диссертационное исследование юридической природы мер предварительной защиты в административном судопроизводстве и осуществляется с точки зрения комплексного подхода, включающего теоретический и практический аспекты.

С теоретической точки зрения диссертация дает ответы на важнейшие концептуальные вопросы, возникающие в процессе реализации предварительной защиты в системе административного судопроизводства, что заметно обновляет данную область научных исследований и стимулирует дальнейшие дискуссии в науке гражданского процессуального и административного процессуального права по изучаемым вопросам.

С практической точки зрения проведенное исследование позволяет понять основные проблемы применения мер предварительной защиты по административным делам, возникающим в сфере административных и иных публичных правоотношений, а также показать главные направления совершенствования административного процессуального законодательства в нераз-

рывной связи с материальным административным правом, формирования эффективной судебной защиты прав граждан и организаций в связи с реализацией органами публичной власти и должностными лицами властных полномочий по отношению к иным участникам административно-правовых отношений.

Комплексный и всесторонний анализ такой юридической конструкции, как меры предварительной защиты в административном судопроизводстве, позволил сделать автору заслуживающие одобрения **выводы и рекомендации**: о необходимости внесения ряда изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, разработки проекта федерального закона «Об административных процедурах», а также целесообразности подготовки проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при применении судами общей юрисдикции мер предварительной защиты по административному иску».

Содержащиеся в диссертации научно-теоретические положения и предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего область исследуемых отношений, сделаны М. Ю. Стариловым самостоятельно. **Самостоятельность** автора диссертации в проведении исследования раскрывается в выдвинутых им некоторых оригинальных положениях, например: о понимании мер предварительной защиты по административному иску с позиции процессуального юридического предназначения, а также с точки зрения структурно-функционального критерия; о предварительной судебной защите в административном судопроизводстве как комплексном процессуально-правовом институте, появление и развитие которого связаны с необходимостью решения общих и специальных задач судебного процесса и реализацией потенциала административной юстиции, обеспечивающей судебный контроль за деятельностью публичной администрации с целью защиты прав частных лиц (граждан и организаций) и укрепления режима законности в сфере публичных правоотношений; о предварительной защите по административному иску как новой юридической конструкции в административном процессуальном праве, со специальным правовым содержанием, конкретным предназначением, особым процессуальным правовым режимом судебного применения; об институте предварительной защиты по административному иску как неотъемлемой части административно-процессуальной формы.

Особый интерес вызывают разработанная на основе действующего административного процессуального законодательства и положений

процессуальной доктрины *концепция системы предварительной защиты по административному иску* и обоснование ее понятийно-категориального аппарата. Несомненную научную значимость имеют рассуждения автора исследования о базовых элементах этой системы и условиях применения судом мер предварительной защиты в административном судопроизводстве.

Кроме того, обращают на себя внимание вполне успешная попытка соискателя сформулировать понятие эффективности мер предварительной защиты по административному иску и выявить критерии эффективности применения таких мер. Заслуживает также поддержки вывод соискателя о том, что эффективность предварительной защиты по административному иску обеспечивается нормативно определенной в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации процедурой ускоренного (быстрого, оперативного) рассмотрения заявления о применении мер предварительной защиты по административному иску, коротким процессуальным сроком приведения в исполнение определения суда о применении мер предварительной защиты, соблюдением оснований и условий при применении судом мер предварительной защиты, использованием потенциала судебного усмотрения при исполнении определения о применении этих мер.

Особо следует отметить весьма продуктивное осуществление автором сравнительно-правового анализа правового регулирования предварительной защиты в административном судопроизводстве некоторых зарубежных государств, в процессуальном законодательстве которых институт предварительной защиты имеет достаточно длительный период регламентации, а в судебной практике – объемное и результативное применение.

Несомненным достоинством диссертации является исследование процесса становления и развития института мер предварительной защиты в системе российского административного судопроизводства, опирающееся на достижения отечественной историко-правовой науки. Обстоятельный анализ этой проблематики привел автора к формулированию важных выводов о ходе, результатах, сложностях и противоречиях эволюции теоретических представлений о порядке нормативного процессуального правового установления и судебного применения мер предварительной защиты по административному иску, а также к научно-обоснованному предположению о возможных тенденциях его развития.

Научные положения, рекомендации и выводы, полученные соискателем, находят свое всестороннее и полное обоснование в диссертации.

Умелое использование автором общенаучной и частнонаучной методологии при проведении исследования, обусловили **достоверность** авторских выводов и научных обобщений. Решение поставленных задач осуществлено на впечатляющей базе результатов изучения фундаментальных проблем общей теории государства и права, конституционного, административного, административного процессуального, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Для подтверждения теоретических выводов привлекались результаты обобщения практики рассмотрения 1374 административных дел, разрешенных судами общей юрисдикции Алтайского, Краснодарского и Красноярского краев, Республики Крым, Воронежской, Белгородской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Омской и Тамбовской областей. Существенным достижением диссертации стало использование в качестве важной составляющей методологии исследования конкретно-социологического метода, нашедшего свое выражение в применении анкетирования 182 судей и позволившего автору сформулировать обобщения, выводы, предложения по совершенствованию действующего законодательства, а также положения, выносимые на защиту.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается ясностью и глубиной трактовки основных теоретических результатов, мощной эмпирической основой работы.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она действительно представляет собой системное, комплексное исследование основных теоретических и практических вопросов применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции и путей совершенствования данного института. Представляется, что выносимые на защиту основные положения диссертации в соотношении с поставленной целью и задачами исследования справедливо можно отнести к выводам, характеризующим новизну диссертационной работы.

В диссертации М. Ю. Старилова имеется множество удачных решений научно-практических проблем института предварительной защиты по административному иску, заслуживающих поддержки и одобрения. Выводы, к которым приходит соискатель, имеют творческий характер, базируются на достаточно объемном и содержательном научно-практическом материале, в полной мере обоснованы и доказаны.

Проведенное автором глубокое правовое изучение предварительной защиты по администра-

тивному иску создает прочную и созидательную основу для разработки предложений по совершенствованию как общего административного, так и административного процессуального законодательства в сфере применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве. Именно в этой части исследования и содержатся важные теоретические конструкции, предлагаемые автором относительно предварительной защиты в административном процессуальном праве.

Диссертация М. Ю. Старилова на тему «Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции» является, по моему мнению, актуальным, самостоятельным, творческим, структурно обоснованным и концептуально законченным исследованием, содержащим новое знание о предмете научного анализа, а именно о мерах предварительной защиты по административному иску, применяемых судами общей юрисдикции. Этот вывод подтверждается новым содержанием основных положений и идей рецензируемой диссертационной работы.

Поставленные задачи исследования, во-первых, можно обнаружить при ознакомлении со структурой содержания диссертации М. Ю. Старилова, а, во-вторых, они обусловили логичность, стройность и разумную последовательность в изложении автором содержащегося в диссертации научно-теоретического материала.

Изучив диссертацию М. Ю. Старилова и опубликованные им по теме исследования многочисленные научные труды, можно констатировать значительную научную ценность его работы, высокую степень обоснованности сформулированных автором научных положений, предложений, выводов и рекомендаций.

Вместе с тем некоторые положения диссертации носят дискуссионный характер или требуют дополнительной аргументации.

1. Исследуя общие условия, основания и порядок принятия мер предварительной защиты в административном судопроизводстве, М. Ю. Старилов анализирует механизм рассмотрения судом заявления о принятии мер предварительной защиты в контексте действия принципа активной роли суда. При этом автор на с. 145 диссертации делает вывод о том, что, учитывая публично-правовые характеристики взаимоотношений физических лиц и организаций с органами публичной власти и их должностными лицами, а также, в известном смысле, «подчиненное» органу публичной власти положение административного истца, целесообразно в качестве общего процессуального правила по всем административным делам предоставить суду общей юрисдикции, в произ-

водстве которого находится административное дело, право по своей инициативе применять меры предварительной защиты по административному иску. Такой подход, по мнению соискателя, будет соответствовать ярко выраженной в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации тенденции по обеспечению активности суда в рассмотрении и разрешении административных дел и способствовать эффективному решению установленных в ст. 3 КАС РФ задач административного судопроизводства (особенно задач по укреплению законности и предупреждению нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений). В целом подобные рассуждения заслуживают поддержки.

Вместе с тем следует отметить, что автор, к сожалению, не раскрывает неразрывно связанной с затронутым вопросом инициирования судом применения мер предварительной защиты проблемы отсутствия возможности замены судом меры предварительной защиты по своей инициативе. Однако активной ролью суда теоретически могут охватываться не только решение вопроса о принятии или отмене мер предварительной защиты, но и, возможно, замены одной меры предварительной защиты другой, что позволит суду в полной мере осуществить защиту невластного участника производства по административному делу.

В связи с этим хотелось бы услышать мнение автора о целесообразности (или, напротив, отсутствии таковой) реализации идеи о предоставлении права суду осуществлять замену мер предварительной защиты по административному иску по своей инициативе.

2. В ходе анализа на с. 153–156 работы актуальной в административном судопроизводстве проблемы злоупотребления процессуальными правами и возможностями участниками судопроизводства, их недобросовестного поведения М. Ю. Старилов совершенно справедливо отмечает, что недобросовестным действием, которое может быть со всей очевидностью направлено на нарушение организации и проведения судебного разбирательства, становится заявление необоснованного (безосновательного) ходатайства административного истца о принятии судом мер предварительной защиты по административному иску. При этом автор утверждает, что недобросовестная сторона, злоупотребляя правом заявления ходатайства о принятии судом мер предварительной защиты по отдельным категориям административных дел, может привести к нарушению общего режима законности в сфере административных и иных правоотношений, а также конкретным нарушениям прав, свобод и законных интересов лиц.

Данные рассуждения продолжают констатацией того факта, что до настоящего времени не разработан юридический механизм ни для воспрепятствования злоупотреблениям сторон процессуальными правами, ни для установления правовых санкций в отношении недобросовестных субъектов правоотношений. Вместе с тем данное суждение сформулировано соискателем лишь в самом общем виде. Автор, к сожалению, не раскрывает, каким может быть юридический механизм воспрепятствования злоупотреблению процессуальными правами участниками административного судопроизводства, а также какие конкретно правовые санкции могли бы применяться в отношении недобросовестных субъектов. Исходя из этого можно предложить М. Ю. Старилову привести заслуживающие внимания аргументы по реализации данного предложения.

3. В качестве замечания следует указать и на то, что соискатель, предполагая на с. 178 диссертации целесообразность принятия мер по внесению в КАС РФ правил, определяющих порядок возмещения убытков или выплату компенсации в случае причинения принятыми в отношении стороны мерами предварительной защиты по административному делу, не соглашается с мнением ученых, которые предлагают по делам, когда в суде оспаривались решения органов публичной власти и при этом судом были применены меры предварительной защиты по административному иску (обеспечению иска), законодательно установить запрет на взыскание с заявителей в последующем убытков.

При этом М. Ю. Старилов указывает аргументы оппонентов, например, то, что на практике одним из значимых «барьеров» для надлежащего использования стороной права на заявление ходатайства о применении мер предварительной защиты по административному иску может стать именно не лучшая «перспектива» для истца по возмещению убытков, причиненных по его инициативе (ходатайству) применением судом мер предварительной защиты по административному иску (с. 176). Однако соискатель не приводит достаточно убедительного опровержения такой позиции.

Представляется, что М. Ю. Старилову необходимо дополнительно обосновать позицию об отсутствии необходимости установления запрета на последующее взыскание убытков с заявителей по делам, где оспаривались решения органов власти и были применены меры предварительной защиты по административному иску.

4. Автор диссертации значительное внимание уделяет исследованию вопросов эффективности

применения мер предварительной защиты по административному иску, понятие которой дается на с. 225 работы. На с. 227–228 приводятся критерии эффективности применения мер предварительной защиты, на с. 230 раскрываются факторы эффективности мер предварительной защиты в административном судопроизводстве, а на с. 230–232 речь идет уже о показателях эффективности. Представляется, что не совсем последовательно в диссертации решен вопрос о соотношении таких понятий, как критерии, факторы и показатели эффективности.

В связи с этим можно предложить соискателю дать разъяснение относительно понимания указанных понятий, их соотношения, взаимосвязи и взаимообусловленности, и тогда, несомненно ценная концепция эффективности мер предварительной защиты по административному иску, выстроенная М. Ю. Стариловым, наполнится большей конкретикой, однозначностью и логичностью.

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку работы, в которой отсутствуют иные неясности при изложении научно-теоретического материала и соблюдены требования по оформлению текста работы, подготовке списка нормативных актов и использованной литературы. Диссертация соответствует профилям научных специальностей 12.00.14 – Административное право; административный процесс и 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс. Автореферат диссертации отражает ее содержание, включает в себя все необходимые для такого рода работ атрибуты, концентрированно объясняет сущность проведенного автором исследования.

Научное произведение М. Ю. Старилова полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук п. 9 и п. 10 ч. 2 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2018 г. № 1168, с изм. от 26 мая 2020 г. № 751). Считаю, что диссертация М. Ю. Старилова является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей большое значение для дальнейшего развития доктрины современного административного процессуального права, а также для формирования правовой модели предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции. Диссертация полезна и для совершенствования норм как общего административного

права, так и правовых институтов процессуального права, складывающихся в правовой системе страны для детальной правовой регламентации порядков и процедур, используемых в процессе применения обеспечительных мер.

Отдельные предложения и рекомендации автора диссертации могут содействовать улучшению качества законотворческой деятельности, направленной на совершенствование процедур применения мер предварительной защиты, а также административного судопроизводства в целом.

Анализ научного труда М. Ю. Старилова свидетельствует о том, что автором самостоятельно написана кандидатская диссертация, которая посвящена актуальной в современном российском административном процессуальном праве проблеме и, несомненно, обладает большой ценностью и значимостью в деле улучшения практики применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции. Детально и

всесторонне изученная мною работа М. Ю. Старилова характеризуется высоким научно-значимым потенциалом для: современной теории административного и административного процессуального права; совершенствования норм, регламентирующих порядок применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции; улучшения качества осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации уполномоченными должностными лицами государственных или иных публичных полномочий; повышения эффективности предварительной защиты по административному иску. В связи с этим уверенно делаю окончательный вывод: автор рецензируемой диссертации Старилов Максим Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальностям 12.00.14 – Административное право; административный процесс и 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс.

Официальный оппонент

профессор кафедры административного и финансового права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор юридических наук (специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.14 – Административное право; финансовое право; информационное право), профессор

Зеленцов Александр Борисович

10 сентября 2020 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

почтовый адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

тел.: +7(499) 936-87-87

адрес сайта: www.rudn.ru

e-mail: Александр Зеленцов <zelentsov51@mail.ru>

Official opponent

Professor, Department of Administrative and Financial Law of the Law Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian University of Peoples' Friendship», Doctor of Law (specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; the history of the doctrine of law and State; 12.00.14 – Administrative law; financial law; information law), Professor

Zelentsov Alexander Borisovich

September 10, 2020

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian University of Friendship of Peoples»

postal address: 117198, Moscow, st. Miklukho-Maklaya, 6

ph.: +7 (499) 936-87-87

site address: www.rudn.ru

e-mail: Alexander Zelentsov <zelentsov51@mail.ru>

Ю. Н. Старилов

В диссертационный совет
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
(119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1)

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета – официального оппонента на диссертацию Бурашниковой Наталии Анатольевны на тему «Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 – «Гражданский процесс; арбитражный процесс»

REVIEW

of a member of the Dissertation Council – an official opponent for the dissertation of Burashnikova Natalia Anatolyevna on the topic «Judicial control over the observance of the right to liberty and personal integrity», submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty 12.00.15 – Civil process; arbitration process

Диссертационное исследование Бурашниковой Наталии Анатольевны содержит всесторонний анализ актуальной проблемы современной теории судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, осуществляемого по правилам административного судопроизводства. Институт судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан и организаций был впервые нормативно определен в российском процессуальном законодательстве на основе вступившего в силу в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Внимание к данному институту не ослабевает со стороны законодателя и в настоящее время: КАС РФ дополняется новыми положениями, статьями, главами, включающими в предмет судебного контроля те или иные сферы публично-правовых отношений (главы 27.1, 27.2, 31.1 КАС РФ), что свидетельствует о расширении области судебного контроля за соблюдением прав, свобод граждан и организаций. Следовательно, вполне объяснимо желание ученых и юристов-практиков комплексно исследовать этот процессуальный институт.

Научный труд Н. А. Бурашниковой представляет собой первое комплексное исследование института судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан при осуществлении государственными органами и иными субъектами публичной власти принадлежащих им админи-

стративно-властных полномочий, проведенное на уровне диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук после вступления в силу КАС РФ.

Как известно, в настоящее время КАС РФ содержит сложные институты и юридические конструкции, которые пока не получили углубленного теоретического осмысления. В их число входит судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, исследование которого на диссертационном уровне позволит в полной мере раскрыть его процессуально-правовой потенциал, способствующий как повышению эффективности судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации уполномоченными должностными лицами государственных или иных публичных полномочий, так и решению основных задач административного судопроизводства, в том числе задачи по предотвращению нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

Актуальность исследования судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в процессуальном праве, выявленных в практике судов общей юрисдикции проблем по разрешению соответствующих административных дел в порядке административного судопроизводства, перспектив законодательного регулирования отношений, возникающих в области действия публичного права, обусловлена как теоретически, так и практически.

В диссертации верно отмечено, что вмешательство в реализацию гражданином права на свободу и личную неприкосновенность имеет место при применении целого ряда мер публичного принуждения, не связанных с привлечением к уголовной и административной ответственности, таких как недобровольное медицинское вмешательство в его различных формах, воспитательно-профилактические меры в виде помещения несовершеннолетних в специальные учреждения, помещение иностранных граждан и лиц без гражданства в центры временного содержания. Все эти виды административных действий требуют системного изучения и обеспечения единства правового регулирования процедуры рассмотрения судами дел, связанных с судебным контролем за применением указанных мер.

Диссертационная работа Н. А. Бурашниковой создает теоретическую основу для осуществления судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве. Соискатель весьма точно определяет сферу судебного контроля за применением мер публичного принуждения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность. Автор раскрывает предмет судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве и делает вывод о том, что наиболее эффективным его видом является прямой сплошной предварительный судебный контроль, позволяющий осуществлять обязательную оперативную проверку всех без исключения мер публичного принуждения, ограничивающих данное право, по заявлениям субъектов, наделенных публичными полномочиями.

Анализ работы позволяет сделать вывод о том, что цель исследования достигнута. Автор проанализировал правовую природу судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, определил его особенности, влекущие создание специальной процессуальной формы его реализации. В диссертации обоснован вывод о необходимости рассмотрения дел о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в порядке особого административного судопроизводства, сформулированы основные правила и принципы процессуальной формы, проанализированы особенности применения в ее границах отдельных процессуальных институтов.

Соискатель правильно определил круг вопросов, изучение которых способствовало решению всех задач исследования, которые можно обнаружить при ознакомлении со структурой содержания диссертации Н. А. Бурашниковой; указан-

ные задачи обусловили надлежащий порядок в изложении автором содержащегося в диссертации научно-теоретического материала.

Структура диссертационной работы продумана и разработана Н. А. Бурашниковой на должном уровне; именно полноценная структурированность содержания диссертации позволила автору последовательно и всесторонне рассмотреть главные вопросы института судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан и организаций. Первая глава научного труда содержит исследование сущности права на свободу и личную неприкосновенность (с. 21–42) и специфики допустимых ограничений данного права (с. 42–79). В результате изучения этих вопросов соискатель приходит к выводу о необходимости осуществления судебного контроля за соблюдением данного права в рамках административного судопроизводства и об особенностях процессуальной формы такого контроля (с. 80–105). В структуру исследования обоснованно включен материал, показывающий становление института судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан при реализации государством отдельных публичных полномочий в России (с. 47–53); проанализирован опыт зарубежного правового регулирования в сфере контроля за применением мер принудительного медицинского вмешательства (с. 58–59, 63–64, 76–77, 112–113, 138, 144, 147, 165, 170). Во второй главе, посвященной проблемам реализации судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве, автором подробно освещены особенности процессуальной формы разрешения административных дел о судебном контроле, выявлены ее существенные признаки и доказана специфика по отдельным категориям дел. Соискателем определено правовое положение участвующих в деле лиц (с. 106–133), указаны особенности возбуждения и подготовки дела к судебному разбирательству» (с. 134–169). В завершении этой главы диссертации детально представлен порядок рассмотрения дел о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность и исполнения судебных актов (с. 169–186).

Внимательное изучение содержания диссертации подтверждает надлежащий уровень научной разработанности темы исследования. Автором проштудированы основные теоретические концепции судебного контроля, показана его роль в осуществлении правосудия как основной функции судебной власти. Очевидно, что соискатель в полном объеме учитывал результаты исследований, проведенных учеными – специалистами в области конституционного, административного, процессуального, медицинского права. Н. А. Бу-

рашникова полноценно использовала в своей научной деятельности и труды в области философии, социологии, психологии и психиатрии. При этом она умело интерпретировала достижения, полученные в указанных сферах научного знания, применительно к цели и задачам работы, т. е. в рамках обозначенной предметной области административного судопроизводства.

С теоретической точки зрения диссертация Н. А. Бурашниковой дает ответы на важнейшие концептуальные вопросы, возникающие в процессе реализации судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, обоснованностью, соразмерностью и допустимостью его ограничения, что заметно обновляет данную область научных исследований и стимулирует дальнейшие дискуссии в науке процессуального права по изучаемым вопросам.

С практической точки зрения проведенное исследование позволяет понять основные проблемы осуществления судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве, общей практики применения мер публичного принуждения делам, возникающим в сфере административных и иных публичных правоотношений, а также показать главные направления совершенствования законодательства об административном судопроизводстве в неразрывной связи с материальным правом. Большое значение исследование Н. А. Бурашниковой имеет для формирования эффективной судебной защиты прав граждан и организаций в связи с осуществлением административно-властных полномочий со стороны органов публичной власти и должностных лиц.

Комплексный и всесторонний анализ сферы судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации государством властных полномочий приводит автора к выдвиганию и обоснованию предложений по совершенствованию процессуального законодательства, регламентирующего процедуру осуществления такого контроля (с. 99–104, 180, 185–186). Соискатель делает заслуживающие одобрения выводы и рекомендации о необходимости внесения ряда изменений в КАС РФ.

Содержащиеся в диссертации научно-теоретические положения работы и предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего область исследуемых отношений, сделаны Н. А. Бурашниковой самостоятельно. Самостоятельность в проведении исследования раскрывается в обосновании автором оригинальных теоретико-прикладных положений, например: об особой природе права на свободу и личную неприкосновенность и специальном содержании

публичных правоотношений, в которых представители административной власти могут применять меры публичного принуждения, устанавливающие ограничение права на свободу и личную неприкосновенность; о необходимости решения общих и специальных задач судебного процесса и повышении потенциала административной юстиции, обеспечивающей судебный контроль за деятельностью публичной администрации с целью защиты свободы и личной неприкосновенности; о необходимости повышения эффективности прямого сплошного предварительного судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность; о совершенствовании процессуальной формы судебного контроля в административном судопроизводстве применительно к порядку осуществления судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность.

В диссертации имеются и иные теоретические положения, предложения и рекомендации, направленные на создание единой процедуры судебного контроля, которая, по мнению автора, способствовала бы обеспечению баланса публичных и частных интересов при применении к гражданам мер публичного принуждения, устанавливающих ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. Некоторые суждения и теоретические обоснования автора целесообразно рассмотреть отдельно.

Вполне закономерен интерес соискателя к проблемам процессуального регулирования судебного контроля за применением воспитательно-профилактических мер к несовершеннолетним. Поскольку пребывание несовершеннолетних в специальных учреждениях сопряжено с ограничением их права на свободу и личную неприкосновенность, судебный контроль за законностью такого помещения и соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних при применении к ним мер воспитательно-профилактического воздействия является необходимым и обоснованным. При этом он может быть эффективным при условии единого системного регулирования порядка рассмотрения судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в данных учреждениях. В настоящее время такое правовое регулирование в действующем законодательстве отсутствует. Это привело к рассмотрению судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях, в различных видах судопроизводства (гражданском процессуальном, уголовно-процессуальном, порядке административного судопроизводства) и нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом в силу действия в ка-

ждом виде судопроизводства специальных правил и презумпций.

Тем самым следует согласиться с обоснованным в публикациях Н. А. Бурашниковой предложением о целесообразности внесения в КАС РФ изменений, направленных на введение системной правовой регламентации процесса рассмотрения судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях. Именно такой процессуально-правовой подход будет отвечать фундаментальному принципу международного права о праве каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом.

Предложенные автором изменения норм КАС РФ и Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» соответствуют принципу надлежащего обеспечения интересов несовершеннолетних, содержат максимальные гарантии соблюдения их процессуальных прав, приводят правовое регулирование рассмотрения дел о помещении несовершеннолетних в специальные учреждения в соответствие с общими принципами судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, а также включают специальные правила рассмотрения дел указанной категории, обусловленные особым статусом несовершеннолетних и объемом их процессуальной дееспособности.

Заслуживает внимания и детальное освещение автором вопросов судебного контроля за принудительным медицинским вмешательством, которое позволило унифицировать основные подходы к правовому регулированию данного вопроса, как в материально-правовом, так и в процессуально-правовом аспектах.

Представляются вполне обоснованными предложения соискателя о включении в сферу судебного контроля всех видов медицинского вмешательства, в том числе амбулаторного лечения, диагностических и профилактических мер, в результате которых происходит ограничение права личности на свободу и личную неприкосновенность, с закреплением в процессуальном законодательстве единых правил осуществления судом проверки правомерности такого вмешательства.

В настоящее время выводы автора приобретают особую актуальность, если учитывать большее число и сложность вопросов, возникших в сфере оказания недобровольной медицинской помощи в связи с пандемией новой коронави

русской инфекции. Н. А. Бурашникова предлагает определить понятие «изоляция», отсутствующее в настоящее время в действующем правовом регулировании и требующее законодательной регламентации. Соискатель вполне понятно аргументирует вывод о необходимости наделять главных санитарных врачей правом на обращение в суд за санкционированием мер медицинского вмешательства, которые не исполняются гражданами в добровольном порядке. Заслуживают внимания и соображения автора о возможности санкционирования судом принудительного оказания медицинской помощи больным, страдающим наркоманией и иными социально опасными заболеваниями.

Н. А. Бурашниковой рассмотрены также актуальные вопросы исполнения судебных актов в сфере недобровольного медицинского вмешательства и высказаны мотивированные предложения по совершенствованию данной процедуры.

Соискателем исследована процессуальная форма рассмотрения дел о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность; при этом в работе показаны особенности данной процедуры на всех стадиях судопроизводства.

Учитывая специфику предмета судебного контроля и функций суда при его осуществлении, можно согласиться и с авторским выводом об ограниченном применении мер предварительной защиты по делам о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность.

В диссертации полноценно аргументируется суждение о расширении предмета доказывания по административным делам с включением в него обстоятельств, подтверждающих отсутствие «противопоказаний» для применения в отношении гражданина мер публичного принуждения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, а также сроков применения таких мер и порядка их применения. Особенно актуальным представляется такой подход в сфере судебного санкционирования принудительного медицинского вмешательства.

Научные положения, рекомендации и выводы, полученные соискателем, находят свое всестороннее и полное обоснование в диссертации. Умелое использование автором общенаучной и частнонаучной методологии при проведении исследования обусловило достоверность авторских выводов и научных обобщений. Как уже было отмечено, в основу решения поставленных автором задач исследования были положены результаты изучения фундаментальных научных проблем в конституционном, административном, админи-

стративном процессуальном и гражданском процессуальном праве.

Высокая степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается ясностью и глубиной теоретических конструкций и толкований основных результатов работы, надлежащей нормативно-правовой основой, объемной эмпирической базой и достаточной для аргументации авторских суждений судебной практикой. Всё это позволило Н. А. Бурашниковой сформулировать обоснованные и полезные предложения по совершенствованию процессуального законодательства и практики его применения.

Положения, выносимые на защиту, в полной мере отвечают критерию научной новизны и имеют убедительную аргументацию. Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой системное, комплексное исследование основных теоретических и практических вопросов реализации судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, осуществляемого в порядке административного судопроизводства. Можно уверенно говорить о том, что выносимые Н. А. Бурашниковой на защиту основные положения диссертации соответствуют поставленной цели и задачам исследования и относятся к главным выводам, характеризующим новизну ее научного труда.

Диссертация Н. А. Бурашниковой на тему «Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность» является, по моему мнению, актуальным, самостоятельным, творческим, структурно обоснованным и концептуально законченным исследованием, содержащим новое знание о предмете научного анализа, а именно об институте судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, применяемого в порядке административного судопроизводства. Этот вывод подтверждается новым содержанием основных положений и идей рецензируемой диссертационной работы.

Изучив диссертацию Н. А. Бурашниковой и опубликованные ею по теме исследования многочисленные научные труды, можно констатировать значительную научную ценность ее работы, высокую степень обоснованности сформулированных автором научных положений, предложений, выводов и рекомендаций.

Вместе с тем некоторые положения диссертации носят дискуссионный характер или требуют дополнительной аргументации.

1. Первое замечание связано с перечнем положений и выводов, которые соискатель выносит на защиту. В целом можно согласиться с тем, что в диссертации Н. А. Бурашниковой, несомненно, имеется достаточный перечень новых или содер-

жащих элементы новизны теоретических положений по избранной теме исследования, соответствующий уровню и назначению кандидатской диссертации. Определенное возражение вызывает лишь второе из указанных в списке положений (с. 11). Речь идет о фундаментальности и неотъемлемости права на свободу и личную неприкосновенность, а также необходимости осуществления государственного контроля за его соблюдением при применении публичных мер, которые содержат ограничивающие данное право меры. Н. А. Бурашникова делает вывод о том, что судебный контроль, который должен осуществляться не только в отношении рассматриваемого права на свободу и личную неприкосновенность, считается «оптимальным видом государственного контроля за соблюдением указанного права, позволяющим защитить его от неправомерного ограничения». При этом автор выдвигает идею о том, судебный контроль должен осуществляться и в отношении иных важнейших основополагающих конституционных прав человека и гражданина, таких как право на охрану здоровья, на уважение частной и семейной жизни, на тайну переписки, неприкосновенность жилища, свободу распространения информации. Соискателю предлагается, во-первых, объяснить данный вывод об «оптимальности» судебного контроля как вида государственной контрольной деятельности за обеспечением законности реализации административными органами и должностными лицами принадлежащих им публичных полномочий. Как автор объясняет уникальность юридической защиты лица именно в условиях осуществления судебного контроля? Почему судебный контроль – это «оптимальный» для этой сферы правоотношений вид государственной контрольной деятельности? А, во-вторых, сформулированное положение, выносимое автором на защиту, вряд ли содержит новый подход к разрешению соответствующей проблемы в сфере исследуемых правоотношений.

2. Н. А. Бурашникова утверждает, что характерным признаком правовой природы дел о судебном контроле является отсутствие спора между участниками материальных правоотношений. Данный вывод позволяет автору диссертации обосновать концепцию особого административного судопроизводства как специальной процессуальной формы рассмотрения дел указанной категории административных дел (с. 12, 94–96, 99–103). Такие теоретические суждения взаимосвязаны с теорией возникновения и способов разрешения публично-правовых споров, а также с обеспечением защиты публичного интереса в случаях установления ограничений в отношении граждан, которые в силу своего состояния

здоровья либо определенного поведения представляют опасность для общества или государства (с. 187). Часто административный орган, в отсутствие спора о материальном праве, обращается в суд с целью защиты публичного интереса посредством применения мер публичного принуждения. Здесь нужно учитывать особенности материального правоотношения, в рамках которого одна из сторон обращается в суд с заявлением санкционировать осуществление своих действий и принадлежащих им публичных полномочий. Как известно, ряд мер публичного принуждения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, требует судебного санкционирования только потому, что гражданин не дает согласия на применение к нему соответствующей принудительной меры. Таким образом, в данном случае имеет место спор между публичным и частным субъектом права по вопросу необходимости и обоснованности применения меры публичного правового принуждения; однако здесь встречается и неправомерное поведение гражданина, отказывающегося либо уклоняющегося от применения меры принуждения. Соискателю предлагается, учитывая существование иных точек зрения по данному вопросу, более детально аргументировать свою позицию по теме отсутствия спора между субъектами публичного правоотношения и неправомерности поведения гражданина как обязательной составляющей такого правоотношения (с. 38–42) и, как следствие, полноценного использования всего потенциала административного судопроизводства при разрешении соответствующих категорий административных дел.

3. Заслуживает особой похвалы § 1.3 первой главы диссертации, в котором автор рассматривает чрезвычайно важный вопрос о процессуальной форме судебного контроля в административном судопроизводстве (с. 80–104). Соискатель отмечает наличие различных точек зрения по данному вопросу и делает правильный вывод о том, что сама природа права на свободу и личную неприкосновенность и сущность материальных публичных правоотношений непосредственно влияют «на вид судопроизводства по делам о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность»; они же детерминируют «особую процессуальную форму рассмотрения судом дел данной категории» (с. 93). Таким образом, осуществляя судебный контроль, суд выполняет несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных функций. Именно в этой части диссертации Н. А. Бурашникова формулирует множество полезных теоретических суждений и предложений по совершенствованию законодательства об административном судопроизводстве.

Например, вывод о том, что «все административные дела о судебном контроле можно было бы отнести к особому административному санкционному производству, в котором суд, устанавливая определенные факты, санкционирует действия публичного органа, влекущие возникновение, изменение или прекращение публичных правоотношений между ним и частным субъектом, независимо от того, имеется ли между сторонами спор о праве административном и какие-либо разногласия в рамках сложившихся правоотношений» (стр. 93).

Автор, анализируя мнения ученых по вопросам процессуальной формы осуществления судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, относит дела о судебном контроле за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность к административному производству, ссылаясь на особенности данной категории административных дел и содержание складывающихся между участниками судопроизводства материально-правовых отношений (стр. 80). Н. А. Бурашникова изучила основные вопросы процессуальной формы судебного контроля в административном судопроизводстве. К ним, например, относятся констатации: «материальные правоотношения, складывающиеся между субъектами в процессе применения мер публичного принуждения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, полностью отвечают признакам публично-правовых и, тем самым, предопределяют процедуру рассмотрения судами дел, возникающих из данных правоотношений»; «правоотношения, связанные с применением к гражданам мер административного принуждения, ограничивающих их право на свободу и личную неприкосновенность, носят публичный характер, в связи с чем дела о судебном контроле в данной сфере правоотношений совершенно обоснованно отнесены законодателем к сфере административного судопроизводства». Вместе с тем соискатель не рассматривает принципиальных вопросов общей теории процессуальной формы: понятие, особые признаки, юридическое содержание, непрекращающиеся споры о наименовании содержащейся в КАС РФ процессуальной формы, уникальность и унификация гражданско-процессуальной формы. Думается, ответы на данные общие вопросы позволили бы автору более продуктивно исследовать и конкретные аспекты формирования процессуальной формы осуществления судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность.

Соискателю предлагается дополнительно аргументировать свое мнение относительно сферы применения предложенной им процессуальной

формы к иным делам о судебном контроле, затрагивающим иные конституционные права граждан и организаций (помимо права на свободу и личную неприкосновенность).

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы. В ней отсутствуют неясности при изложении научно-теоретического материала. Автор в полном объеме соблюдает требования по оформлению текста, подготовке списка нормативных актов и использованной литературы.

Диссертация соответствует профилю научной специальности 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс. Основные выводы диссертационного исследования и сформулированные Н. А. Бурашниковой предложения для публичной защиты отражают надлежащую степень научной новизны, свидетельствуют о личном вкладе автора в науку процессуального права.

Результаты проведенного исследования получили необходимую апробацию. По теме диссертации опубликовано 19 научных работ, в том числе достаточное количество статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий для опубликования научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Итоги научной работы опубликованы также в сборниках материалов проведенных международных и всероссийских конференций, в которых Н. А. Бурашникова принимала участие.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированная автором концепция судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве может оказать существенное влияние на результативность работы, направленной на улучшение судебной практики по разрешению соответствующих категорий административных дел и совершенствование процессуальной формы осуществления указанного вида судебного контроля.

Анализируемая диссертация является законченным оригинальным исследованием, которое содержит множество новых теоретико-прикладных положений. Н. А. Бурашниковой решена актуальная и до этого момента остававшаяся без должного внимания и комплексного изучения в отечественной юридической доктрине научная задача, имеющая фундаментальное значение для развития теории осуществления судебного кон-

троля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, а также соответствующей сферы законодательства об административном судопроизводстве.

Могу уверенно предположить, что благодаря проведенной соискателем исследовательской работе отечественная наука процессуального права пополнится новой концепцией в области административного судопроизводства, позволяющей устранить многие существенные пробелы в создании надлежащего процессуального порядка рассмотрения и разрешения административных дел. Более того, автором предлагаются меры по повышению уровня процессуальных юридических гарантий противодействия незаконному и произвольному ограничению права на свободу и личную неприкосновенность.

Таким образом, научный труд Бурашниковой Наталии Анатольевны на тему «Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям ч. 1 п. 9, п. 10, п. 11, п. 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2018 г. № 1168, с изм. от 26 мая 2020 г. № 751) и п. 2.1–2.3 Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «РАНХиГС» от 20 сентября 2019 г. № 02-1049 (в редакции приказа от 24 апреля 2020 г. № 02-367). Автор данной диссертационной работы Бурашникова Наталия Анатольевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс.

Высокий научно-теоретический уровень проведенного Н. А. Бурашниковой исследования позволяет считать ее диссертацию в полной мере и надлежащим образом подготовленной к публичной защите.

Считаю целесообразным допустить кандидатскую диссертацию Наталии Анатольевны Бурашниковой на тему «Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность» до защиты на заседании диссертационного совета.

Член диссертационного совета – официальный оппонент

декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук (специальность 12.00.02 – Конституционное право; государственное управление; административное право; муниципальное право), профессор

Старилов Юрий Николаевич

«03» декабря 2020 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

почтовый адрес: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

тел.: +7 (473) 220-75-21; +7 (473) 255-84-86

адрес сайта: <http://www.vsu.ru/>

e-mail: office@main.vsu.ru

juristar@law.vsu.ru

juristar@vmail.ru

Member of the dissertation council – official opponent

Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administration and administrative procedural law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University», Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law (specialty 12.00.02 – Constitutional Law; public administration; administrative law; municipal law), Professor

Starilov Yuri Nikolaevich

«03» December 2020

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»

postal address: 394018, Voronezh, University Square, 1

ph.: +7 (473) 220-75-21; +7 (473) 255-84-86

site address: <http://www.vsu.ru/>

e-mail: office@main.vsu.ru

juristar@law.vsu.ru

juristar@vmail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

УДК 342.9

Ю. Н. Стариков

Воронежский государственный университет

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО ТРУДА ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА М. А. ГУРВИЧА «СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»

Кратко рассматривается значение книги М. А. Гурвича о судебном решении, которая опубликована в 1972 г. Отмечается большое значение данной работы для определения роли судебного решения в процессуальном праве и для развития современных теоретических представлений о судебном решении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебное решение как правовой акт государственной власти; процессуальное правоотношение; действие, обоснованность, истинность, законность судебного решения.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE SCIENTIFIC WORK OF THE DOCTOR OF LAW, PROFESSOR M. A. GURVICH «JUDGMENT. THEORETICAL PROBLEMS»

The importance of M. A. Gurvich's book on the court decision, which was published in 1972, is briefly considered. The importance of this work is noted for determining the role of the court decision in procedural law and for developing modern theoretical ideas about the court decision.

K e y w o r d s: court decision as a legal act of state power; standing; action, validity, truth, legality of judgment.

В 2021 г. доктору юридических наук профессору Марку Аркадьевичу Гурвичу исполнилось бы 125 лет со дня рождения (02.02.1896 – 01.01.1978).

Одним из лучших научных трудов, изданных в советское время и посвященных судебному решению, по мнению профессионального научного сообщества, является монография М. А. Гурвича «Судебное решение. Теоретические проблемы»¹. Согласно представлениям самого автора, судебное решение по гражданскому делу являлось институтом процессуального права, который был довольно содержательно исследован в советской науке гражданского процесса. М. А. Гурвич поставил вопрос о выяснении юридической природы судебного решения суда как органа государственной власти, акта государственной функции правосудия. И, как следствие, им анализируется местонахождение судебного решения в системе процессуального правоотношения, где право и обязанность суда вынести решение по делу рассматриваются в качестве основных элементов.

М. А. Гурвич исследует судебное решение с позиций предъявляемых к правовому акту государственной власти требований. «Гражданское

правоотношение, спор о котором суд разрешил», – предмет судебного решения в исковом производстве². Неотделимой составной частью исследования служит проблема обоснованности судебного решения, под которым автор понимал «удостоверенное убедительными доказательствами соответствие фактического основания решения действительным обстоятельствам дела»³. Интересны суждения ученого об инициативе и активности суда («советского суда») в гражданском процессе. Сравнивая с инквизиционным процессом, М. А. Гурвич характеризовал советский гражданский процесс как судебную деятельность, для которой характерна субсидиарность, реальное содействие сторонам в собирании достаточных для процесса установления действительных прав и взаимоотношений участников процесса материалов. Стандарты судебной деятельности позволяли, по мнению автора, обеспечивать создание атмосферы, когда появлялась возможность поиска истины посредством потенциала доказывания. Здесь подчеркивались все принципы процесса: гласность, равноправие сторон, их право на ознакомление со всеми материалами дела, независимость судей и их подчинение только закону, непосредственность ис-

следования доказательств и непрерывность судопроизводства, процессуальная экономия, которая гарантировала надлежащую интенсивность, быстроту, всесторонность и полноту судебного исследования. Споря с коллегами, М. А. Гурвич отмечал, что «законное решение действительно всегда обоснованное, но не наоборот: обоснованное решение может быть и незаконным»; и, как следствие, оно не сможет стать истинным⁴.

М. А. Гурвич исследует вопросы применения судом права, делая при этом акцент на процессуальной воле; рассматривает судебное решение в качестве акта индивидуального поднормативного регулирования, показывает взаимодействие судебной практики и судебного правотворчества. Итоговым, четвертым, очерком стало изучение таких качеств судебного решения, как обязательность и законная сила. Ученый исследует вопрос о действии судебного решения и об объективных пределах его законной силы.

Можно уверенно предположить, что и для современного читателя будет весьма полезным учение о судебном решении, созданное автором в очерках, объединенных в одну монографическую работу.

Воронежский государственный университет

Стариллов Ю. Н., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права, заслуженный ученый Российской Федерации

e-mail: juristar@vmail.ru

М. А. Гурвич известен и тем, что является одним из основоположников создания в нашей стране учения об иске (например, его книги «Право на иск» и «Учение об иске»⁵). Кроме того, им подготовлены учебники как по гражданскому процессуальному праву, так и по земельному и финансовому праву.

Внимание к теории судебного решения не ослабевает и сегодня. В настоящее время публикуются научные статьи по различным аспектам данного феномена⁶. Можно прогнозировать, что книга М. А. Гурвича будет всегда востребована учеными, избравшими предметом исследования судебное решение.

¹ См.: Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976.

² См.: Там же. С. 14.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 92–93.

⁵ См.: Гурвич М. А. Право на иск / отв ред. А. Ф. Клейман. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 216 с. ; *Его же*. Учение об иске : (состав, виды) : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1981. 40 с.

⁶ См., например: Корнев В. Н. Феноменология судебного (юридического) решения // Государство и право. 2020. № 5. С. 45–54.

Voronezh State University

Starilov Yu. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Honoured Scientist of Russian Federation

e-mail: juristar@vmail.ru

М. А. Гурвич

**СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹**

(Извлечения)

В книге М. А. Гурвича рассматриваются сущность судебного решения, его обоснованность, фактическое и правовое основания решения, соотношение обоснованности, истинности и законности решения, проблемы применения судом правовых норм, соотношение судебного решения и ответственности сторон, законной силы судебного решения. Рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

JUDGMENT: THEORETICAL PROBLEMS

(Extract)

The book by M. A. Gurvich examines the essence of the judicial decision, its validity, the actual and legal basis of the decision, the relationship between the validity, truth and legality of the decision, the problems of the application of legal norms by the court, the relationship of the judicial decision and the responsibility of the parties, the lawfulness of the judicial decision. Designed for researchers, teachers, graduate students and students of law universities.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Очерк первый

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ – ПРАВОВОЙ АКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

- § 1. Судебное решение в процессуальном правоотношении
- § 2. Предмет судебного решения и двигательное начало в гражданском процессе
- § 3. К вопросу о конститутивных решениях суда

Очерк второй

ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

- § 1. Проблема в целом
- § 2. Фактическое основание судебного решения
 - А. Фактический материал дела. Источники формирования
 - Б. Фактический материал дела и фактическое основание судебного решения
 - В. К вопросу о юридических фактах
- § 3. Соотношение обоснованности, истинности и законности судебного решения

Очерк третий

ПРИМЕНЕНИЕ СУДОМ ГРАЖДАНСКИХ ЗАКОНОВ

- § 1. Познание и процессуальная воля в судебном применении права
- § 2. Судебное решение как акт индивидуального поднормативного регулирования
- § 3. Судебная практика и вопрос о судебном правотворчестве
- § 4. Судебное решение и ответственность обязанного лица

Очерк четвертый

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

- § 1. Действие судебного решения и его неизменяемость
- § 2. Об объективных пределах законной силы судебного решения

Очерк четвертый

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОННАЯ СИЛА
СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Essay four

BINDING AND ENFORCEABLE JUDGEMENT

§ 1. Действие судебного решения
и его неизменяемость

1. В советской гражданско-процессуальной литературе распространен взгляд на сущность законной силы решения суда, как на его действие, понимаемое в смысле совокупности всех правовых последствий судебного решения, связанных как с его содержанием, так и с неизменностью, обусловленной неопровержимостью и исключительностью решения. При этом одни ученые рассматривают законную силу как совокупность трех свойств: неопровержимости, исключительности и исполнимости², другие – добавляют к ним обязательность, а также преюдиальность³.

При таком понимании законной силы решения нетрудно рассмотреть в теории данного института по крайней мере два противоречия:

а) рассматривая законную силу как действие решения, отдельные процессуалисты в признаки ее содержания, однако, не вводят ни присуждения, ни признания, ни преобразования спорных правоотношений, хотя никто не отрицает, что специфическое действие решения выражается именно в этих волеизъявлениях или хотя бы в первых двух;

б) другое противоречие, еще более серьезное, заключается в том, что, рассматривая общеобязательность (обязательность) решения как черту законной силы, по общему признанию, ограниченную субъективными пределами, процессуалисты совмещают, по сути дела, несовместимые явления: общеобязательность по самому своему содержанию обязательности для всех не может иметь субъективные пределы.

Чтобы устранить указанные противоречия, советские процессуалисты пошли различными путями: одни – по линии устранения субъективных пределов законной силы⁴, другие – по линии большего или меньшего смягчения и ограничения общеобязательности решения вплоть до ее полного игнорирования⁵. Таким образом достигалось уравнение законной силы и действия решения, но ущемлялось специфическое содержание и юридическое значение.

2. Наиболее резко и последовательно первое из описанных здесь направлений выражено в упомянутой книге М. Г. Авдюкова.

Правильно считая, что общеобязательность решения и ограниченная пределами его законная сила, рассматриваемые в одной плоскости,

«взаимно исключают друг друга»⁶, и одновременно разделяя взгляд Д. И. Полу-мордвинова на законную силу как правовое действие постановленного судом решения⁷, М. Г. Авдюков последовательно пришел к отрицанию субъективных границ законной силы решения.

Даже самую постановку вопроса о пределах законной силы М. Г. Авдюков считает неправильной⁸.

«Законная сила, – говорит он, – распространяется на все, в отношении чего постановлено решение, в этом плане (т. е. в плане законной силы. – М. Г.) не имеет пределов» (с. 190).

Однако такой вывод привел бы практически к самым тяжелым последствиям для тех лиц, чьи права и интересы оказались бы затронутыми решением суда, вынесенным в процессе без их участия. Достаточно вспомнить об интересах не участвующих в деле посторонних лиц, интересах, неразрывно связанных с тем, в отношении чего постановлено решение в процессе между другими лицами, чтобы понять несправедливость вывода М. Г. Авдюкова, его несоответствие основному праву, каждого лица требовать защиты своих прав и интересов (ст. 5 Основ гражданского судопроизводства).

У этих лиц оставалось бы в таком положении только одна возможность – опротестование решения в порядке надзора. Но путь надзора – путь исключительный, открывающийся только по усмотрению должностных лиц, обладающих правом на опротестование. Права требовать опротестования неправильного решения суда пострадавший от него не имеет⁹.

Действующий закон (ст. 39 Основ гражданского судопроизводства) распространяет законную силу решения только на лиц, участвующих в деле, и никогда за эти пределы не выходит. Истолкование законной силы судебного решения М. Г. Авдюковым не соответствует закону, принципу широкого права на судебную защиту нарушенного и оспоренного интереса граждан и организаций СССР.

3. К числу представителей противоположного взгляда следует отнести в первую очередь Д. И. Полумордвинова¹⁰ и Н. Б. Зейдера¹¹.

Д. И. Полумордвинов рассматривал законную силу решения как его правовое действие, заключающееся в установлении с безусловной достоверностью действительных прав и обязанностей сторон.

Проблема соотношения законной силы и обязательности решения суда возникла и перед Д. И. Полумордвиновым. Ведь если законная сила решения есть его действие, то ее субъективные пределы не могут не стать таковыми же и для самого действия решения.

Однако, касаясь обязательности решения, Д. И. Полумордвинов ограничивается вопросом о значении действия вступившего в законную силу судебного решения только для государственных органов и должностных лиц, не участвовавших в процессе. Связанность их судебным решением обусловлена их положением носителей государственной власти, по самой природе и назначению которой они не только связаны решением, вынесенным именем государства, но и обязаны в случае надобности активно содействовать его осуществлению.

Таким образом, обойдя вопрос об общеобязательности решения и отрицая его при изложении вопроса о субъективных пределах судебного решения, Д. И. Полумордвинов остался верен своему основному определению законной силы и последователен в своей концепции: законная сила имеет свои субъективные пределы; действие же решения не обладает общеобязательностью: оно обязательно для сторон, третьих лиц, государственных органов и их должностных лиц.

Правилен ли, однако, этот взгляд? Можно ли отрицать общеобязательность судебного решения? К этому вопросу мы еще вернемся несколько далее.

4. Никто с такой решительностью не отождествил законную силу решения суда с его обязательностью, как Н. Б. Зейдер.

«Вступившее в законную силу судебное решение приобретает свое основное свойство – становится обязательным для всех государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, должностных лиц и граждан (ст. 15 Основ гражданского судопроизводства; ст. 13 ГПК РСФСР). Это свойство судебного решения выражает саму сущность законной силы судебного решения¹² (курсив наш. – М. Г.).

Из свойства обязательности судебного решения как основного проистекают, по мнению Н. Б. Зейдера, остальные свойства или последствия законной силы судебного решения: неизменность, неопровержимость, преюдициальность, исключительность и исполнимость судебного решения.

Нельзя не отметить, что в приведенном перечне неизменности решения придается равное значение с неопровержимостью и исключительностью. Между тем неизменность (лучше было бы сказать – неизменяемость) является последствием неопровержимости и исключительности. Можно даже сказать, что она выражается в них. Но рассматривать неизменяемость, неопровержимость и исключительность как самостоятельные признаки явно неправильно. Решение невозможно изменить, так как недопустимо его обжалование или пересмотр в ином процессе.

Наиболее острый вопрос, связанный с общеобязательностью решения, а именно вопрос об обязательности решения для граждан и организаций, не принимавших участия в деле, автор решает следующим образом.

Обязательность судебного решения для них вытекает из авторитета суда как органа государства, из того положения, что советский суд является тем аппаратом, который в соответствующих случаях осуществляет принуждение к соблюдению норм права. При этом делается следующая оговорка: судебное решение, проводя в жизнь норму и применяя ее к спорному правоотношению или факту, является обязательным для всех как акт государственного органа лишь в границах этого спорного отношения или данного факта. Это положение исключает, таким образом, действие судебного решения, вынесенного по данному делу, в отношении прав и интересов таких лиц (граждан и организаций), которые не принимали участия в деле в качестве сторон или третьих лиц. Действие решения ограничивается только конкретным правоотношением, по поводу которого был возбужден спор.

Приведенные соображения требуют тщательного анализа и оценки.

а) Прежде всего, невозможно согласиться с тем, что из обязательности решения как его основного свойства вытекает ряд остальных свойств, имеющих как бы производный характер.

Неизменяемость решения, как уже было отмечено, обусловлена его неопровержимостью и исключительностью, является их результатом. Решение, вступившее в законную силу, становится неизменяемым потому, что нельзя ни потребовать пересмотра его в кассационном порядке (неопровержимость), ни изменить в любом ином – процессуальном или непроцессуальном порядке (исключительность)¹³.

Далее, не касаясь преюдициальности и исполнимости, следует отметить, что неизменяемость того или иного акта органа государственной власти вовсе не обязательное условие и тем более не последствие обязательности этого акта. Не говоря уже о законодательном акте, достаточно вспомнить об административных распоряжениях, которые, как правило, могут быть всегда отменены и изменены органом, издавшим акт, либо вышестоящим органом по жалобе заинтересованного лица (по праву на жалобу), чтобы увидеть явную ошибочность основного утверждения Н. Б. Зейдера. Административные и законодательные акты органов государства отменимы и изменимы и тем не менее обязательны, пока не отменены. Следовательно, обязательность возможна и в действительности существует без неизменности; значит, и не порождает ее.

б) Н. Б. Зейдер, как мы видели, выводит обязательность решения суда из авторитета суда как органа государства, т. е. (по словам автора) из того положения, что советский суд является аппаратом принуждения к соблюдению норм права.

Конечно, суд – орган государственной власти, поэтому его веления обязательны. Однако это несомненно правильное положение недостаточно для разъяснения соотношения между обязательностью решения и его законной силой, если учесть, что не всякое веление органа государственной власти отличается неизменностью, что при любом взгляде на сущность законной силы она служит ее основной чертой и соответствует закону (ч. 3 ст. 39 Основ гражданского судопроизводства).

в) Н. Б. Зейдер указывает, что «судебное решение, проводя в жизнь определенную норму права и применяя ее к спорному отношению или факту, является обязательным для всех, как акт государственного органа, лишь в границах этого спорного отношения или факта».

И далее автор говорит, что это положение исключает действие судебного решения, вынесенного по данному делу, в отношении прав и интересов таких лиц (граждан и организаций), которые не принимали участия в деле в качестве сторон или третьих лиц. Естественно, возникает вопрос: если судебное решение не затрагивает прав и интересов этих лиц, то в каком отношении оно является для них обязательным? Этот вопрос невозможно разрешить ссылкой на содействие всех, в том числе и указанных лиц, принудительному осуществлению решения в порядке исполнительного производства, так как такое содействие опирается на специальную норму, относящуюся только к исполнительному производству.

Вне его остается основная, неэжзекторная область действия решения¹⁴, что невозможно примирить с широким принципиальным смыслом ст. 15 Основ, соединяющей, а не противопоставляющей обязательность решения для всех без исключения (ч. 1 ст. 15 Основ), и его неоспоримость для тех, на кого не распространяется законная сила (ч. 2 ст. 15 Основ): обязательность решения не исключается его законной силой. Следовательно, неосновательно отождествив законную силу решения с его обязательностью, Н. Б. Зейдер пришел к положению, противоречащему ст. 15 Основ.

5. Автором данной книги была высказана мысль о том, что субъективные пределы законной силы судебного решения невозможно обосновать общеобязательностью решения¹⁵. Общеобязательность решения связывалась с сущностью и задачами государственного управления и указывалось: «Вопрос общеобязательности

решения – вовсе не вопрос о пределах действия материально-правового предписания, выраженного в правоотношении, неоспоримо подтвержденном судом. Это предписание регулирует поведение лиц, к которым оно относится. Принцип общеобязательности судебного решения – принцип не гражданского материального права, а принцип государственного управления. Проявляющийся в общеобязательности судебного решения принцип законности означает всемерную охрану закона, обеспечение строжайшего соблюдения правовых норм».

Исходя из этого положения, мы утверждали, что общеобязательность решения, как выражение социалистической законности, не устраняет границ действия судебного решения, т. е. действия подтвержденного судом правоотношения, но является гарантией этого действия и, следовательно, его границ, определенных материально-правовым отношением. Поскольку в соответствии с правовой нормой правоотношение связывает лишь его участников, постольку и действие судебного решения, подтверждающего правоотношение, неспособно его расширить, создав ограничения гражданских прав других лиц.

Раскрывая содержание общеобязательности решения, мы отмечали, что она означает «прежде всего обязанность государственных учреждений и должностных лиц считаться с подтвержденным судом правом, охраняя его и содействуя его осуществлению». Общеобязательность судебного решения означает, далее, возможность и необходимость для юридических лиц и граждан учитывать правоотношение, подтвержденное судом, в своих действиях, сделках и право рассчитывать на него. Она означает и обязательность для всех должностных лиц и граждан предъявляемых судебными исполнителями требований по исполнению судебных решений согласно ст. 80 Закона о судостроительстве (в настоящее время последнее положение подтверждено ст. 55 Основ).

В приведенных высказываниях имеются наряду с положением, которое мы здесь вновь подтвердим на несколько иной основе, и положения, от которых необходимо отказаться.

Правильным, на наш взгляд, является суждение о том, что субъективные пределы законной силы решения не противоречат его общеобязательности.

Однако это положение не было (и не могло быть) согласовано с пониманием автором законной силы как действия решения, как правовых последствий решения¹⁶.

Попытку снять эту несогласованность указанием на то, что общеобязательность решения относится к сфере государственного управления, в отличие от пределов законной силы решения, обу-

словенной границами подтвержденных судом гражданских правоотношений, нельзя признать удачной. Сохранение в сфере государственного управления только охраны гражданского материального права с исключением из нее регулятивных функций этого права и соответствующих правоотношений произвольно, поскольку государственное управление в смысле государственного руководства обществом охватывает и гражданское материальное право.

Общеобязательность решения раскрывалась нами как возможность и необходимость для юридических лиц и граждан учитывать правоотношение, подтвержденное судом, в своих действиях, сделках¹⁷.

Однако такая обязанность, относящаяся к сфере имущественных прав лица, никак не может быть выведена из задач государственного управления, узко понятого только как деятельность по общей охране правопорядка, поддержанию действия материальных законов и содействию их осуществлению.

Необходимо признать, что, хотя в ранее изложенных нами взглядах и была сделана попытка продвинуться в сторону отделения общеобязательности решения от его законной силы, что могло бы снять препятствия к установлению их самостоятельного содержания, эта попытка все же не привела к правильному решению проблемы общеобязательности решения и субъективных пределов законной силы. Этому помешал основной и притом ошибочный взгляд автора на законную силу решения как на его действие (правовые последствия) и на общеобязательность решения как одно из проявлений государственного управления с одновременным недоучетом значения для обязательности решения гражданского материального права.

Подведем некоторые итоги краткому критическому обзору основных взглядов, высказанных по вопросу о соотношении обязательности (общеобязательности) решения и субъективных пределов законной силы, связанных с отождествлением законной силы решения и действия решения, как и о самих понятиях действия решения и его законной силы¹⁸.

Как нам представляется, первым выводом из сделанного краткого критического обзора взглядов, высказанных по вопросу о соотношении обязательности (общеобязательности) решения и субъективных пределов законной силы, связанных с отождествлением понятий законной силы решения и действия решения, должно быть проведение решительного различия между указанными понятиями.

Необходимо юридически различать те последствия, которые связаны с содержанием ре-

шения, т. е. с теми суждениями, которые составляют решение как постановление, изъявляющее волю суда, и те последствия, которые связаны с осуществлением норм о законной силе решения. Лишь первые составляют *действие* решения, выраженное его содержанием и определяемое этим содержанием.

Остановимся на этом несколько подробнее.

Содержание решения заключается, как известно, во властном (императивном) подтверждении существования или отсутствия спорного правоотношения, указывающем на надлежащее поведение сторон в соответствии с действительным правоотношением между ними; в исполнительном приказе органу принуждения – в решении о присуждении; в изменении или прекращении правоотношения – в правообразовательном решении.

Определяемое этим содержанием действие решения заключается в снятии спора и тем самым в устранении субъективной неопределенности спорного правоотношения и, далее, соответственно в возможности принудительной реализации притязания (права на иск в материальном смысле, или так называемой «исполнимости» решения) или, наконец, в осуществлении правообразовательного правомочия истца.

Нетрудно видеть, что все эти последствия решения, составляющие его действие, не являются содержанием и смыслом законной силы решения. Что же представляет собой законная сила, которой даются различные и разнообразные определения?

Строго исходя из точного смысла закона (ст. 39 и ч. 1 ст. 44 Основ гражданского судопроизводства), мы должны рассматривать законную силу как институт, устраняющий, как правило¹⁹, возможность нового рассмотрения однажды разрешенного дела как в отношении права, так и юридических фактов, установленных решением. Или, короче, законная сила решения – это его неизменяемость.

Критикуя буржуазные теории, присваивающие институту законной силы единственное значение неизменности, проф. Ж. Сталев видит в нем средство, закрепляющее правотворческое действие решения буржуазного суда и считает его непригодным для социалистического процесса.

Несомненно, правотворческий характер принципиально присущ любому решению буржуазного суда, так как оно служит задаче не охраны действительного права, объективно существующего до, вне и независимо от процесса, а установлению новых правоотношений, сложившихся в результате рассмотрения дела; рассмотрение же это происходит в условиях принципа

формальной истины, экономического и процессуального неравенства сторон и политической направленности буржуазной юстиции на защиту интересов господствующего класса²⁰.

Профессор Ж. Сталев прав и в том отношении, что неизменность, сообщаемая решению буржуазного суда, предназначается служить средством закрепления его незаконно-преобразовательного действия. Вписываясь тем самым в общую систему буржуазного судопроизводства как его органическая часть, неизменность решения приобретает в истолковании буржуазных теоретиков и практиков черты специфически-буржуазного института, характерного для классово юстиции эпохи империализма.

И все же с общей оценкой Ж. Сталевым значения этого института как процессуального инструмента, на наш взгляд, согласиться невозможно.

Автор не учитывает здесь того, что свойство неизменяемости решения в социалистическом гражданском процессе направлено на стабилизацию не правотворческих решений, которых советский судебный порядок не допускает, а решений правоохраняющих (включая законные преобразовательные решения), основанных на принципах объективной истины и законности. Стабильность же свободных от спора и неопределенности подтвержденных или преобразованных советским судом правоотношений в социалистическом гражданском процессе никто еще не отрицал; ее необходимость, связанная с устойчивостью самого права и со всемерным укреплением социалистической законности, общепризнанна. Это положение изложено и обосновано в указанной книге Сталева.

Таким образом, если в буржуазном гражданском процессе законная сила решения в смысле неизменности служит средством, закрепляющим правотворческий характер юстиции, инструментом преодоления буржуазной зависимости, то в социалистическом, в частности, советском праве, она преследует цель его охраны, т. е. сохранения и защиты. И в этом своем назначении неизменяемость решения, обусловленная и обеспеченная его неопровержимостью и исключительностью, представляет собой институт с совершенно новым содержанием, соответствующим задачам и сущности социалистического правосудия.

Одновременно законная сила является моментом во времени²¹, с которого действие решения из потенциального состояния переходит, как правило, в двигательное; решение начинает функционировать (ч. 1 ст. 54 Основ гражданского судопроизводства).

Итак, законная сила судебного решения есть его неизменяемость, обеспеченная недопустимостью его обжалования (опротестования) и

вынесения нового решения по тому же иску, одновременно являющаяся моментом, с которого осуществляется действие решения – подтверждение, изменение или прекращение спорного правоотношения.

Как уже отмечалось выше, заданная сила (неизменяемость) решения является результатом неопровержимости и исключительности – двух запретов, из которых один устраняет возможность кассационного пересмотра решения, другой – возможность нового рассмотрения дела, способного привести к отмене или изменению ранее вынесенного решения, кроме особых, чрезвычайных форм решений, вступивших в законную силу, предусмотренных законом²².

Если неизменяемость решения является негативной характеристикой законной силы, то ее положительным выражением служит окончательность решения суда и, следовательно, его стабильность, или устойчивость.

Действие решения, приобретая со вступлением решения в законную силу свойство неизменяемости, является предметом законной силы. Законная сила решения распространяется на все действие решения и на действие решения всех видов. Она фиксирует, закрепляет его. Никаких исключений из этого общего твердого правила закон не знает. Тем самым обуславливается единство понятия законной силы решения независимо от разнообразия его видов (признание, признание, преобразование). С этим связан следующий вывод: необходимо отказаться от принятого в советской литературе традиционного взгляда, согласно которому так называемая «исполнимость» решения рассматривается как одно из проявлений законной силы²³.

Исполнимость решения о присуждении выражает обязанность органов принудительного исполнения, возникшую на основании содержащегося в таком решении приказа, направленного к этим органам, т. е. одно из последствий действия решения. Как и все остальные виды действия решения, оно по закону задерживается осуществлением до вступления решения в законную силу (ст. 54 Основ гражданского судопроизводства), т. е. до приобретения им свойства неизменяемости. Это, однако, не влечет за собой ни логически, ни юридически признания исполнимости составной частью законной силы решения²⁴. В отношении исполнимости, как и в отношении всех других форм действия решения, законная сила означает только неизменяемость решения, обеспеченную недопустимостью кассационного обжалования (неопровержимостью) и исключительностью решения (недопустимостью вторичного рассмотрения обсуждения дела).

Этот вывод согласуется и с существованием института немедленного исполнения, в силу которого в ряде случаев решение суда может быть исполнено принудительно до его вступления в законную силу.

Хотя эти случаи носят характер исключения из общего правила²⁵, однако основная норма, регулирующая исполнимость (ст. 54 Основ гражданского судопроизводства) и рассматривающая немедленное исполнение как одну из форм принудительного исполнения, не дает для этого, вопреки распространенному традиционному взгляду, достаточных оснований.

Нельзя не учитывать, что при немедленном исполнении действие исполнимости, оторванное от вступления решения в законную силу во времени, отделяется при этом от него и по существу. Тем самым с очевидностью обнаруживается, что исполнимость не составляет содержания законной силы решения, не входит в ее содержание.

Для логического обоснования приведенного рассуждения вовсе не требовалось, чтобы область применения немедленного исполнения была более или менее обширной. Для этого достаточно было бы возможности хотя бы одного такого случая, предусмотренного законом; и в этом случае обнаруживалось бы различие в сущности и юридической природе исполнимости, как формы действия решения, и в его законной силе, как неизменяемости этого действия.

Тем более серьезной представляется обоснованность нашего вывода, если учесть обширность поля применения немедленного исполнения в действительности – по закону и на практике. Согласно ст.ст. 210 и 211 ГПК сюда входят наиболее важные с точки зрения охраны интересов трудящихся дела: о присуждении алиментов, заработной платы или платы за труд рабочим, служащим и колхозникам, дела о восстановлении на работе неправильно уволенных работников, о присуждении авторского вознаграждения и др. Известно также, что законом дано суду право предоставлять немедленное исполнение в любом случае, если вследствие обстоятельств данного дела замедление в исполнении решения может привести к значительному ущербу для заявителя или самое исполнение может оказаться невозможным (п. 3 ч. 1 ст. 211 ГПК).

Значительная область применения немедленного исполнения и смысл ст. 54 Основ гражданского судопроизводства дают, на наш взгляд, возможность говорить, что принудительное исполнение решения суда возможно в двух равных категориях случаев: а) по вынесении решения, если налицо условия, прямо предусмотренные законом, и б) по вступлении решения в законную силу – во всех остальных случаях.

Таким образом, связь исполнимости с вступлением решения в законную силу там, где она существует, объясняется тем, что действие решения возникает с момента вступления решения в законную силу, а это, как мы уже отмечали, во все не означает тождества действия решения и его неизменяемости. Подобная приуроченность – результат нормы права, который нормой же права может быть отменен или изменен для данной категории случаев. Такая связь, следовательно, может быть, может и не быть. Ее установление обосновывается необходимостью предотвратить всегда болезненный поворот исполнения решения в случае его отмены. Но это – вопрос целесообразности и юридической условности, а во все не необходимости в смысле обязательного и безусловного включения исполнимости в законную силу, самое отнесение которой только к решениям о присуждении, как это справедливо отмечалось в литературе²⁶, само по себе уже лишало бы законную силу однозначности цельного и единого института.

Мы специально остановились на вопросе о соотношении законной силы и исполнимости решения ввиду того, что в советской литературе принято относить исполнимость решения к содержанию (чертам, свойствам) законной силы, что, на наш взгляд, по приведенным соображениям неправильно.

Но сказанное в отношении исполнимости и по тем же причинам (законная сила не есть действие решения) относится ко всем прочим формам, или видам, действия решения, т. е. к судебному подтверждению (признанию) и преобразованию спорных правоотношений.

Различие состоит лишь в том, что подтверждающее действие решения, как и преобразовательное действие конститутивного решения, находятся вне института немедленного исполнения, относящегося только к решениям о присуждении. Эти виды действия решения наступают всегда и только со вступлением решения в законную силу, что, как мы видели, не дает никаких оснований для отождествления этих различных понятий.

Однако ввиду особого значения этого вопроса в части преобразовательных решений, за которыми в литературе рядом авторов (как в советской, так и зарубежной, в том числе и социалистической теории) отрицаются субъективные пределы законной силы, нам придется к нему возвратиться еще раз.

6. Вопрос об обязательности решения не может быть правильно и исчерпывающим образом разрешен без учета действия решения. Он расщепляется на два вопроса: а) об обязательности как веления органа правосудия и б) об обязательности подтвержденного или измененно-

го судебным решением гражданского правоотношения.

Обязательность судебного решения, закрепленная ст. 15 Основ гражданского судопроизводства, основывается на природе этого акта как акта правосудия. Особенность этого акта по сравнению с административным распоряжением состоит в том, что суд уполномочен проверять действительность административного акта (акта управления) в отношении компетентности издавшего его органа (ч. 1 ст. 12 Основ гражданского судопроизводства). Это преимущество судебного решения объясняется положением суда как органа правосудия, действующего от имени государства. Наоборот, решение суда, пока оно не отменено в установленном законом порядке, обязательно для всех учреждений и должностных лиц государства. Такова «формальная» обязательность решения суда.

Формальным действием можно объяснить прежде всего правовые последствия решения в отношении лиц, участвующих в деле, так как содержащийся в решении приказ, являющийся ответом на обращенное к суду требование, им непосредственно адресован.

На формальной обязательности решения основывается и обязанность, всех государственных учреждений и должностных лиц, т. е. всех органов – носителей государственной власти, не только учитывать решение суда и сообразовывать с ним свои действия, но и содействовать их осуществлению в установленных законом формах (регистрации, удостоверении и др.)²⁷.

Формальным действием можно объяснить, наконец, обязательность решения в отношении лиц, чьи права и интересы были объектом рассмотрения суда, поскольку эти права и интересы юридически закреплены за определенными лицами. Однако ч. 1 ст. 15 Основ обязательность решения суда распространена и на лиц всех категорий в отношении прав и интересов, которые судом не рассматривались и спор о которых судом не был разрешен. Именно в этом правиле сосредоточено общеобязательное действие решения суда.

Широкое распространение действия решения, как бы велик ни был авторитет акта социалистического правосудия, не может быть объяснено одним формальным значением указанного закона, поскольку он относится в конечном счете к сфере гражданских субъективных прав и интересов с их личной разграниченностью.

Для объяснения этого необходимо вспомнить, что регулятором поведения лиц в гражданском обороте является не суд, орган правосудия, а норма материального права, конкретизированная и индивидуализированная в гражданском материальном правоотношении.

Так же как норма права действует для всех, так и созданное в процессе ее осуществления правоотношение образует не изолированную ячейку правовой жизни общества, а элемент (клетку) общего правопорядка с разнообразными связями и взаимопроникновениями с другими элементами этого правопорядка. Поэтому в принципе каждое правоотношение, в том числе и относительные права и обязанности, обязательны не только для тех, кого они внутренне и первично (его субъектов) связывают, но и всех тех, кто стоит в том же правопорядке вне данного правоотношения и не является его субъектом, кто испытывает его внешнее действие, обусловленное единством правопорядка.

Но если обязательно для всех любое правоотношение, то в случае спора о нем обязательно обладает действительное правоотношение, т. е. то, которое подтверждено или изменено, в обоих случаях – освобождено от сомнительности судебным решением. Таким образом, общеобязательность решения обусловлена и общеобязательностью подтвержденного им, очищенного от субъективной неопределенности материального правоотношения. Можно было бы условно называть это «материальной обязательностью» решения при условии не забывать, что не решение является непосредственным основанием регулирующего действия в области материальных прав и обязанностей, а *подтвержденное или измененное им правоотношение*²⁸.

С этим связан важный вывод: так же, как действие любого правоотношения в сфере общего правопорядка не имеет и не может иметь субъективных пределов, так и действие решения, которым правоотношение подтверждено или изменено, субъективных пределов иметь не может: юридическая природа правоотношения не изменяется от того, что субъективная неопределенность его снята судебным решением. Это полностью распространяется и на преобразовательные решения (об изменении или прекращении правоотношений), так как таким решением порождается новое правовое положение (изменение, как и прекращение правоотношения, в строгом смысле, также есть вид замены одного отношения другим), которое в силу своего основания, частью досудебного (подтвержденного судам правообразовательного правомочия истца), частью – судебного (в его конститутивном значении) не может страдать неопределенностью.

Следовательно, материальная обязательность решения суда любого вида не имеет субъективных пределов, что получило свое выражение в понятии общеобязательности решения, закрепленной ч. 1 ст. 15 Основ гражданского судопроизводства.

Материальная обязательность решения прежде всего проявляется в том, что через подтвержденное или измененное им правоотношение она связывает лиц, являющихся сторонами в этом правоотношении, его субъектов. Эта первая ступень распространения действия решения очевидна и не нуждается в комментариях.

Общепринятым является в настоящее время также положение о действии любого правоотношения для всех лиц, подчиненных общему правопорядку и им охватываемых, в том отношении, что оно обосновывает право и обязанность учета обдуманного судом правоотношения третьими лицами.

Внешнее действие правоотношения, и в особенности правоотношения, которое приобрело вследствие судебного решения определенность, не ограничивается таким учетом его посторонними процессу лицами. Оно может затронуть и практически часто затрагивает их собственные права и интересы. В частности:

а) судебным признанием какого-либо абсолютного права за одним лицом (например, права собственности, авторского права) в силу общеобязательности решения исключается такое же право у любого другого лица;

б) при не осуществленном в процессе необходимом соучастии им затрагиваются права и интересы лиц, не участвовавших в деле;

в) при производности чье-либо права от другого (основного) права признанным судом или совершенным изменением в основном праве вызывается изменение в производном праве.

К этой же группе принадлежат правоотношения по регрессу, возникающие вследствие осуществления другого правоотношения, в котором регредент или регрессат не участвовал.

В большинстве случаев правоотношение, спорность которого снята решением суда, практически не затрагивает интересов лиц, посторонних этому правоотношению. Любые изменения в правовом положении сторон, определившемся в результате процесса, для этих посторонних лиц безразличны, а сами эти лица остаются индифферентными к решению.

Но значение вопроса сосредоточивается не на них, а на тех лицах, чьи интересы затрагиваются решением, его материальной обязательностью, т. е. определившимся им правоотношением. Нет оснований считать, что наступившая в результате решения суда определенность в правоотношении, содержание которого оказалось иным, чем это считали стороны и третьи лица, безразлично для последних, что, в частности, производные Права сохраняются независимо от истинного положения в основном праве, а права соучастников в праве не затрагиваются и тогда, когда

самое право оказывается несуществующим или измененным.

Однако здесь возникает другая, весьма существенная проблема – о необходимости устранения несправедливости распространения судебного решения на лиц, хотя и испытывающих его действие, но не принимавших участия в процессе.

Издавна известно противоречие между этим положением и практическим влиянием решения по спорному правоотношению на множество других отношений. В социалистическом праве указанное противоречие разрешается посредством института законной силы решения суда.

Общеобязательность решения обусловлена и общеобязательностью, т. е. отсутствием субъективных пределов действия любого правоотношения, подтвержденного или преобразованного судебным решением.

Правосудие охраняет и сохраняет (и в этом смысле укрепляет) правоотношение во всем его объеме и действии и не может изменить присущие ему связи, обусловленные правопорядком в целом. Но правосудие может и должно ограничить субъективные пределы неоспоримости правоотношений.

Если решением отрицаются права третьих лиц (лиц, посторонних процессу), т. е. во всех случаях, когда подтверждение существования или отсутствия правоотношения между сторонами несовместимо с правами третьего лица, эти лица не могут быть связаны законной силой решения: она не может быть им противопоставлена. Или, иными словами, третьим лицам должен быть открыт доступ к защите своих прав и интересов, хотя бы это и требовало опровержения правового положения, признанного судебным подтверждением или преобразованием.

Этот вывод и характеризуется правилом, в силу которого действие *решения суда общеобязательно, но законная сила решения ограничена субъективными пределами лиц, участвовавших в деле.*

С помощью этого вывода достигается правильность, на наш взгляд, и точное истолкование правила ст. 15 Основ гражданского судопроизводства.

Ее первая часть устанавливает обязательность решения для всех государственных учреждений и должностных лиц, а также для всех носителей гражданских прав и законных интересов. Эта обязательность установлена для всех и не ограничена какими-либо пределами, она имеет всеобщий характер и значение общеобязательности.

Вместе с тем ч. 2 ст. 15 Основ гражданского судопроизводства не создает исключения из об-

щеобязательности решения. Она указывает лишь на то, что общеобязательность, распространяющаяся и на лиц, указанных во второй части, «не лишает заинтересованных лиц возможности обратиться в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов, спор о которых судом не был рассмотрен и разрешен». Речь идет, таким образом, о праве этих лиц защищать свои права и интересы хотя бы и путем опровержения прав, подтвержденных или преобразованных вступившим в законную силу решением суда по делу между другими лицами.

Вторая часть ст. 15 Основ указывает на субъективные пределы законной силы решения, за которыми стоит право на защиту тех, чьи права и интересы были затронуты решением по чужому правоотношению, затронуты юридически, в силу общеобязательности решения.

Если, пользуясь субъективными пределами законной силы решения, третьи (посторонние процессу) лица не опровергнут решения, являющегося для них в силу ст. 15 Основ гражданского судопроизводства обязательным, то эта обязательность будет существовать и далее, отражаясь на имущественной сфере, правах и обязанностях этих лиц²⁹.

Субъективные пределы законной силы решения – важнейший принцип охраны прав и свобод личности. Они служат гарантией их неприкосновенности, условием опровержимости вытекающих для нее последствий решения. Субъективные пределы законной силы решения – гарантия права на обращение в суд за судебной защитой.

Если ст. 39 Основ гражданского судопроизводства устанавливает границы законной силы решения по субъектам и объекту («обсужденному» судом правоотношению), то ч. 2 ст. 15 в полном соответствии с ее первой частью разъясняет пределы законной силы в отношении лиц, не участвовавших в деле, и правоотношений и интересов, которые непосредственно судом не рассматривались, но под воздействием других правоотношений и интересов, спор о которых судом был рассмотрен и разрешен.

Эта возможность не устраняет значительно процессуального интереса во вступлении третьих лиц, как предъявляющих самостоятельные требования (с самостоятельным участием), так и с побочным (акцессорным) участием в процессе, происходящем между другими лицами в интересах экономии производства и своевременной защиты их прав, которые могут пострадать вследствие запоздалой защиты, например нахождения спорного имущества во владении и пользовании постороннего лица.

Этому соответствует и указание ч. 2 ст. 21 Основ гражданского судопроизводства на условие

вступления (или привлечения) в дело третьих лиц – «если решение по делу может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон».

Речь здесь не может идти о процессуальном влиянии на права или обязанности лиц, не участвовавших в процессе при традиционном понимании законной силы как действия судебного решения: в этом случае вследствие субъективных пределов законной силы (и, следовательно, также действия) судебного решения оно не могло бы никак распространяться на лиц, чьи права и обязанности суд не обсуждал, спор о них не разрешал, притом на лиц, не участвовавших в деле. Здесь говорится о материально-правовом действии судебного решения на правовую сферу лиц, не являвшихся до вступления в дело его участниками, что вполне согласуется со смыслом обеих частей ст. 15 Основ гражданского судопроизводства.

Исследуя проблему субъективных границ законной силы судебного решения, нельзя в настоящее время обойти важный вопрос о том, распространяется ли законная сила на преобразовательные (конститутивные) решения или, точнее, на конститутивный элемент в решениях этого вида, состоящий в суждении суда об изменении или прекращении правоотношения (ст. 6 Основ гражданского законодательства).

В советской процессуальной литературе было по этому вопросу высказано мнение, решительно отрицающее вступление в законную силу конститутивного элемента преобразовательного решения суда.

Разделяя взгляд на необходимость выделения среди различных видов исков и решений преобразовательных исков и решений, Д. И. Полумордвинов писал:

«В законную силу вступает только констатационная часть конститутивного решения. Осуществляемое таким решением правообразующее действие имеет *побочное значение* (курсив наш. – М. Г.), оно сопутствует законной силе решения, но к ее сущности не относится».

Это положение Д. И. Полумордвинов обосновывал тем соображением, что понятие и содержание законной силы решения постоянно, между тем как преобразовательное действие решения может в том или ином решении быть, а может и не быть. Это зависит, как правильно отмечал автор, от того, констатируется ли этим решением существование права или условия, от которых зависит преобразование правоотношения судом. «Напротив, – указывает автор, – констатационная часть судебного решения обязательно и постоянно должна содержаться в нем независимо от вида иска, по которому решение постановлено. Эта констатационная часть

судебного решения вступает в законную силу, которая, таким образом, является *постоянным действием* (курсив наш. – М. Г.) решения в отличие от конститутивного действия, которое осуществляется не всегда и не всяким решением суда. Именно по этой причине необходимо конститутивное действие решения отличать от его законной силы».

В соответствии с описанным здесь взглядом Д. И. Полумордвинов связывал с ним и вывод в отношении субъективных пределов конститутивного действия решения, а также возможности различного определения времени, с которого решение вступает в законную силу и осуществляет конститутивное действие.

Исходя из того что конститутивное действие решения является его побочным результатом, находящимся вне законной силы решения, Д. И. Полумордвинов считал, что конститутивное действие решения имеет абсолютный характер и осуществляется в отношении всех. Как говорят в таких случаях, решение действует «*erga omnes*» (в отношении всех).

Что касается времени, с которого судебное решение вступает в законную силу, то, по мнению Д. И. Полумордвинова, в конститутивной части оно определяется только в отношении возможности обжалования решения (неопровержимости решения, по общим правилам), хотя законодатель может в виде исключения осуществление судебным решением конститутивного действия приурочить к другому моменту, например к акту регистрации расторжения брака³⁰.

Изложенный здесь взгляд Д. И. Полумордвинова распространен в теории гражданского процессуального права.

Однако этот взгляд для действующего советского гражданского процессуального права нам представляется неприемлемым прежде всего потому, что, признавая изменение и прекращение правоотношений как особый вид защиты субъективного гражданского права (ст. 6 Основ гражданского законодательства), советский законодатель не установил никаких исключений из законной силы для решений указанного вида. Тем самым невозможно не считать, что на такие решения полностью распространяются все правила, регулирующие законную силу решений суда (ст. 39 Основ гражданского судопроизводства).

Но и по теоретическим соображениям положение о том, что законная сила решения в смысле его неизменяемости не распространяется на конститутивные решения или на их конститутивный элемент, представляется неправильным.

Его ошибочность заключается в том, что законная сила отождествляется с действием решения. А так как содержание законной силы должно

быть постоянным, то все, что в решении суда является непостоянным, отсекается и объявляется «побочным», несущественным, необязательным для содержания решения.

Искусственность этого аргумента, как нам представляется, очевидна. Содержание законной силы как единого института постоянно. В этом мы полностью разделяем важное положение, отстаиваемое Д. И. Полумордвиновым. Однако это содержание заключается не в действии (содержании) решения, а в его неизменяемости, непоколебимости, как это со всей определенностью установлено ст. 39 Основ гражданского судопроизводства для решения любого вида.

Что же касается содержания решения или его действия, то оно может быть и бывает различным, отчего зависит осуществление различных видов решений. Одним из таких видов является преобразовательное решение, или, точнее, решение, содержащее конститутивный элемент. Но разнообразие или, говоря словами Д. И. Полумордвинова, непостоянство отдельных частей содержания решений, как конститутивный элемент его, а также элемент исполнительного приказа в решении о присуждении, потому и не влияет на содержание законной силы, что, составляя часть действия решения, эти элементы вовсе не входят в содержание законной силы; они представляют собой, как об этом уже было сказано выше, предмет воздействия законной силы, т. е. неизменяемости решения, равно распространяющейся на любое действие решения во всех его постоянных и непостоянных элементах. И поэтому как решение о присуждении в части исполнительного приказа («исполнимости»), так и преобразовательное решение (в части конститутивного элемента) подчинены правилу о неизменяемости, составляющей постоянное и одинаковое для всех решений содержание, смысл и значение законной силы.

Отсюда можно сделать вывод о субъективных пределах законной силы решения об изменении и прекращении правоотношений.

На основании ст. 39 Основ гражданского судопроизводства ни истец, ни ответчик, ни какое-либо другое участвовавшее в деле лицо, а также и их правопреемники не вправе по вступлении преобразовательного решения в законную силу вновь заявлять в суде те же иски требования на том же основании, как и оспаривать в другом процессе установленные судом факты и правоотношения. Практически это означает недопустимость для ответчика по такому решению предъявить иск о признании правоотношения, измененного или прекращенного преобразовательным решением, существующим или сохраняющим прежнее содержание. То же правило

действует и в отношении всех третьих лиц. Оно не распространяется на лиц, не участвовавших в деле, для которых такое решение не является неизменяемым.

Нельзя, наконец, не отметить неприемлемых последствий и противоречий, к которым приводит теория отрицания законной силы в отношении конститутивных решений суда. Одним из них явилось бы лишение конститутивных решений той неприкосновенности, которой закон намерен был их снабдить, распространяя законную силу на все решения. Признание законной силы для той части конститутивного решения, которая представляет собой подтверждающее суждение о существовании преобразовательного правомочия с одновременным отрицанием законной силы суждения о самом преобразовании, представляется непоследовательным, так как подтверждение служит здесь необходимой и достаточной предпосылкой преобразования.

Но распространение законной силы решения на преобразовательные решения (в частности, на их конститутивный элемент) означает и распространение на них субъективных пределов законной силы.

Невозможно было бы объяснить, почему признание отсутствия правоотношения вследствие недействительности договора должно действовать только для сторон и других лиц, участвующих в деле (в смысле неизменяемости решения), а аннулирование (расторжение) правоотношения судом с теми же последствиями должно распространяться на всех ввиду отсутствия субъективных пределов неизменяемости такого решения.

Теоретическая несообразность и практическая нецелесообразность этих положений только подкрепляют, на наш взгляд, неприемлемость ограничения законной силы решения суда суждениями о подтверждении установленных судом правоотношений, прав и обязанностей.

Законная сила решений суда распространяется на все решения суда независимо от их действия – признания правоотношений, присуждения (с исполнительным приказом) или преобразования (с конститутивным элементом).

8. Следует осветить и вопрос о преюдиции (предрешении), связанной с судебным решением.

В книге «Решение советского суда в исковом производстве» (гл. IV) в соответствии с принятой в ней концепцией законной силы, отождествленной с действием решения суда, преюдиция рассматривалась как «проявление законной силы судебного решения в другом процессе». Таким значением законной силы решения объяснялось как обязывающее действие прею-

диции, так и его ограниченность субъективными пределами.

В соответствии с положениями, изложенными в настоящей работе, этот взгляд должен быть несколько изменен. Сохраняет свое значение, по нашему мнению, но требует отчетливого выражения двустороннее действие судебной преюдиции: положительное (или позитивное) и отрицательное (или негативное).

Положительная сторона преюдиции заключается в свойственном решению суда императиве (приказе), направленном суду и любым другим учреждениям и лицам, руководствоваться в другом процессе или любом ином юрисдикционном акте, в котором подтвержденные судебным решением факты и правоотношения служат фактическим основанием, ранее вынесенным об этих фактах и правоотношениях решением.

Этот приказ вытекает из *формальной обязательности действия решения*.

Другая, отрицательная, сторона преюдиции заключается в недопустимости пересмотра указанных фактов и правоотношений в новом судебном процессе или в порядке любого иного юрисдикционного рассмотрения. Она вытекает из законной силы решения, т. е. его неизменяемости, и имеет свойственные законной силе субъективные пределы. Ввиду этого безусловное действие преюдиции распространяется только на дела с участием лиц, ранее участвовавших в деле, в котором было вынесено предрешающее решение.

Что касается споров с участием других лиц, то в силу общеобязательности решения (или, по принятой здесь терминологии, – материальной обязательности) судебное предрешение может быть применено лишь при условии, если эти лица не оспаривают указанных фактов и правоотношений, в частности если они на них ссылаются. В таких случаях суд не вправе производить доказательственную проверку соответствующих фактов и правоотношений и должен считать их предрешенными (на основании ст. 15 Основ гражданского судопроизводства).

Поэтому необходимо различать такое неоспаривание предрешенных обстоятельств от признания фактов непредрешенных. В первом случае суд обязан их учесть в своем решении и не вправе их подвергать новой проверке; во втором – согласно ч. 2 ст. 60 ГПК РСФСР суд вправе и при сомнении обязан проверить такие факты. Практическое значение этого вывода очевидно.

Согласно этому законная сила решения, или, что то же для данного случая, свойство исключительности судебного решения, вступившего в законную силу, не является единственной основой судебного предрешения. Эта основа дополняется обязательностью действия решения.

В связи с этим несколько изменяется и формула применения преюдиции, ранее нами предложенная. Теперь она должна гласить следующее: судебное предрешение применяется в случаях, когда установленное судебным решением, вступившим в законную силу, обстоятельство или правоотношение выступает в качестве юридического факта в другом процессе или ином юрисдикционном рассмотрении по спорам между лицами, на которых распространяется законная сила решения, а по спорам с участием других лиц – в случаях, если указанные факты и правоотношения ими не оспариваются³¹.

§ 2. Об объективных пределах законной силы судебного решения

Спорным вопросом, относящимся к проблеме объективных пределов законной силы решения суда, является распространение законной силы на фактическое основание решения и на те правоотношения, с которыми связан вывод суда о предъявленном спорном правовом требовании (преюдициальные правоотношения), т. е. в целом – на мотивы решения. По этому вопросу в советской гражданско-процессуальной литературе велась в свое время острая дискуссия³², в ходе которой представителями разных взглядов были высказаны соображения как за утвердительное разрешение вопросов, так и против него. Известна, в частности, отчетливая формулировка отрицательного отношения к нему Д. И. Полумордвинова, от которой автор впоследствии отказался³³. Этот вопрос утвердительно был разрешен в Основах гражданского судопроизводства (ч. 3 ст. 30) и ГПК РСФСР (ч. 3 ст. 208): «По вступлении решения в законную силу стороны и другие лица, участвующие в деле, а также их правопреемники не могут вновь... оспаривать в другом процессе установленные судом факты и правоотношения».

В связи с этим следовало бы уяснить, существует ли в настоящее время в советской теории гражданского процессуального права вообще проблема объективных пределов законной силы и целесообразно ли заниматься соответствующими теоретическими исследованиями, не относится ли этот вопрос целиком и полностью к истории науки советского процессуального права? Как нам представляется, имеются существенные причины, по которым данный вопрос сохраняет теоретическое и практическое значение.

Он обусловлен тем, что советское гражданское процессуальное право является единственным среди социалистических систем и советская теория – единственной теорией среди теорий гражданского процесса социалистических государств, в которых вопрос об объективных пределах законной силы решения в отношении его

фактического основания и мотивирующих правоотношений разрешен в утвердительном смысле. К этому можно добавить и то, что в процессуальном законодательстве ФРГ, Италии и литературе западных капиталистических стран данный вопрос решен отрицательно³⁴; законная сила решения не распространяется на его фактическое основание и обосновывающие преюдициальные правоотношения, в частности на использованные в решении возражения ответчика.

Сопоставляя здесь буржуазное гражданское процессуальное право с правом социалистических стран, мы исходим из его более, чем в других отраслях права, инструментального характера, в связи с которым те же по своим формальным структурам процессуальные институты буржуазного и социалистического права могут использоваться для совершенно различных, порой противоположных целей: с одной стороны, для охраны интересов господствующих при капитализме классов, с другой – для охраны прав и интересов трудящихся и социалистических государственных и общественных организаций. В частности, несвязанность судов (судей) в буржуазных странах законной силой мотивов решений может в современных условиях служить еще большей «активизации» их деятельности и расширению судейского произвола. Поэтому разъяснения, содержащиеся в работах буржуазных теоретиков-процессуалистов о значении рассматриваемого института, оцениваются нами только в строгих формальных границах его чисто инструментального значения, которое сохраняется в любой правовой системе независимо от общей юридико-политической направленности его использования.

Существование в процессуальных законодательствах социалистических государств серьезных различий в регламентации тех или иных положений, особенно такого важного института, как законная сила решения суда, дает полное основание для их сравнительного обсуждения.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, убеждают в том, что проблема объективных пределов законной силы решения как теоретическая задача не утратила своей актуальности, хотя ее направленность (ныне – сравнительное правоведение) и область ее значения (ныне – по преимуществу законодательная) изменились.

Обоснование отрицательного решения проблемы

Наиболее детально вопрос об объективных пределах силы судебного решения разработан в германской процессуальной теории, что отразилось в ч. 1 § 322 Германского устава гражданского судопроизводства: судебные решения способны

вступать в законную силу только в пределах возбужденного перед судом посредством иска или встречного иска притязания. Под притязанием подразумевается при этом процессуальное, т. е. обращенное к суду, заявление, в котором содержится утверждение истца о том, что ему принадлежит право на определенное действие, либо существует или отсутствует известное правоотношение, либо истцу принадлежит право на определенное правообразовательное (потестативное) право. Это притязание и является предметом законной силы решения, которым подтверждается существование (или отсутствие) соответствующего материального субъективного права истца либо правоотношения.

В объем законной силы не включается малая посылка судейского силлогизма, т. е. те фактические констатации, которые содержатся в решении (в его фактическом основании), в частности возражения противной стороны. Это положение иллюстрируется рядом примеров. Так, решение в отношении притязания, основанного на договоре купли-продажи, присуждающее или отказывающее истцу, не содержит снабженного законной силой подтверждения содержания самого договора купли-продажи. Решение, которым отказано в притязании из договора вследствие заблуждения или обмана, устанавливает с законной силой только отсутствие притязания вследствие указанных причин, но не факты самого заблуждения или обмана. Если решением отказано в иске о расторжении договора купли-продажи вещи потому, что эти недостатки отсутствуют, то законная сила распространяется только на отсутствие заявленного притязания, но не на отсутствие оспоренных качеств вещи и поэтому не препятствует иску об уменьшении покупной цены, обоснованному теми же недостатками вещи. Если решением удовлетворен виндикационный иск об истребовании вещи либо в таком иске отказано, то в законную силу вступает только суждение суда о том, что истцу принадлежит или не принадлежит такое притязание из права собственности, но не установленное в основании решения существование или отсутствие у истца соответствующего права собственности³⁵.

По тем же причинам отказом истцу в иске о возмещении ответчиком вреда, причиненного истцу на том основании, что вещь принадлежит ответчику, не присваивается законная сила установлению права собственности ответчика на эту вещь. Не вступает в законную силу решение в отношении возражений ответчика, которыми опровергаются утверждения истца о фактах, приведенных им в обоснование своих требований или направленных против притязания без оспаривания его оснований, например опровержение

требования как уже удовлетворенного ответчиком или вследствие невозможности исполнения. Следовательно, не вступают в законную силу и те возражения ответчика, в основании которых лежит встречное требование (поскольку оно не заявлено в форме встречного иска), как, например, возражение, основанное на так называемом «праве удержания» вещи.

С изложенными здесь положениями связано существование в германском и иных процессах, не распространяющих законной силы на мотивы решения, промежуточных, или «инцидентных», исков и соответствующих им преюдицирующих решений. Связь эта вызвана потребностью в сообщении законной силы тем суждениям о спорных правоотношениях, на которые без специального промежуточного производства и соответствующих решений законная сила не распространяется. Промежуточные решения по инцидентным искам преюдицируют в главном производстве и влекут все последствия, свойственные законной силе.

В буржуазном процессе встречаются и иные положения (французский процесс), в которых нашли отражение взгляды Савиньи, считавшего, что законная сила охватывает не только спорное право, но и юридические факты, с которыми оно связано, и обуславливающие его преюдициальные правоотношения³⁶.

Ж. Сталев правильно отмечает, что вопрос о том, распространяется ли законная сила решения на фактические констатации и правоотношения, служащие основанием ответа суда на процессуальное притязание истца, не составляет проблему абстрактно-теоретической конструкции, а относится к законодательству. В этом практически немаловажном вопросе процессуальное право Болгарии (как и других зарубежных социалистических стран) существенно отличается от советского права. Правда, ч. 1 ст. 221 ГПК НРБ не допускает предъявления вторичного иска между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию. Однако основание выступает здесь только в смысле признаков, характеризующих спорное право. Такой ограниченной формулировкой закон исключает из области законной силы содержащиеся в мотивах решения констатации фактов и правоотношений, имеющих значение для опорного права³⁷.

Последовательно закон не распространяет законную силу и на возражения ответчика, за исключением возражений об улучшениях и приращениях в спорном имуществе (ч. 2 ст. 221 ГПК НРБ). Вместе с тем стороны не лишены возможности просить суд высказаться в том же решении и относительно существования или несуществования какого-либо спорного правоотношения, от

которого зависит в целом или в части исход дела (ст. 118 ГПК НРБ). Приведенное правило представляет собой разновидность инцидентного обращения к суду. Только в случае такого специального требования суд высказывается в отношении преюдицирующего правоотношения, суждение о котором как о предмете дела вступает в законную силу. Подобное обращение может быть и самостоятельным иском, если оно совершается отдельно от процесса по основному требованию и касается преюдициального вопроса. В этом случае оно полностью совпадает с описанным выше инцидентным установительным иском³⁸.

Касаясь аналогичного регламента в польском гражданском процессе, В. Седлецкий пишет: «Нормально в законную силу вступает только содержание (резольютивная часть, сентенция) решения, но не его обоснование, содержащее причины разрешения дела. Причины решения, заключенные в его основании, служат только истолкованию границ действия законной силы решения»³⁹.

В чем же заключается смысл этого порядка, ограничивающего сферу законной силы только содержанием процессуального притязания? Ж. Сталев разъясняет его следующим образом. В основе ограничения сферы законной силы решения только спорным правом и нераспространения ее на мотивы решения лежит то соображение, что центр внимания суда обращен только на спорное право. Поэтому нецелесообразно связывать окончательностью и бесповоротностью, характерной для законной силы, суждения суда по вопросам мотивов решения, имеющим порой гораздо бо льшую ценность, чем предмет иска. Например, решением спора о процентах по долгу оказался бы разрешенным с законной силой вопрос о самом долге. По поводу спора о ничтожном по размеру вреде, причиненном имуществу (например, стоимость разбитого стекла), был бы разрешен неизмеримо более существенный вопрос о принадлежности имущества, например жилища, в котором разбито стекло; по поводу спора о взыскании расходов на содержание детей оказался бы разрешенным с законной силой и вопрос о происхождении детей от данных родителей, и т. д. Смысл ограничения законной силы посредством исключения из ее объекта мотивов решения состоит, таким образом, в устранении действия решения на факты и правоотношения, исследование которых происходит в обстановке, не обеспечивающей необходимую степень внимания суда и участников дела к установлению истины этих фактов и правоотношений.

Другое соображение в пользу того же решения вопроса об объективных пределах законной силы решения, приводимое Ж. Сталевым, состо-

ит в том, что в условиях распространения законной силы на мотивы суд, разрешая спор и будучи обязан раскрыть истину фактов, был бы связан с фактами, ранее установленными судом по другому делу, и должен был бы подчиниться его суждениям, в том числе содержащим ошибку в суждениях о фактах. Тем самым пороки фактических констатаций переносились бы из одного дела в другое, связывая суд вопреки принципу объективной истины, свободы собирания доказательств и их оценки⁴⁰.

Обоснование утвердительного решения проблемы

За приведенными рассуждениями следует признать известную основательность и убедительность, что объясняет распространение данного института в законодательстве многих стран, в том числе социалистических. Вместе с тем, как нам представляется, такие высказывания об основаниях решения вопроса о законной силе имеют и свои отрицательные стороны. При этом порядке, по нашему мнению, упускается из виду фундаментальное значение мотивов решения для выводов в отношении искового требования. Допущение в другом деле между теми же сторонами иных фактических и преюдициально-правовых констатаций и вызываемая этим их противоречивость решительно расходятся с неизменностью окончательных правовых выводов, сделанных в обоих решениях. Если в другом процессе рушится фундамент решения, вынесенного между теми же сторонами в предыдущем процессе, то справедливость этого решения не может не поколебаться, а с нею и авторитет суда, судебной власти, правосудия в целом.

Компенсируется ли такой правовой и политический ущерб свободой суда в оценке обстоятельств, уже однажды установленных судебным решением, вынесенным в обстановке, всемерно обеспечивающей всесторонний поиск объективной истины, выдержавшим испытание возможными средствами пересмотра и ставшим неизменяемым? Мы бы не решились присоединиться в этом вопросе к ответу, отрицающему распространение законной силы на мотивы решения, если он дается законодательством, исходящим из принципа объективной истины. Такой ответ представляется более обоснованным лишь в условиях, в которых решение выносится по началу формальной истины и основывается на материале, в принципе бесконтрольно определяемом сторонами и, следовательно, возможно неполном и случайном, обусловленном во многих случаях фактическим неравноправием сторон, их различными процессуальными возможностями. Обязанность уплачивать алименты, конечно,

уже своего фундамента – родительских правоотношений, порождающих и ряд других правовых последствий. Тем не менее эта обязанность достаточно существенна, чтобы всемерно оберегать ее от тех серьезных сомнений и чувства необоснованности и несправедливости, которое неизбежно наступило бы, если бы в другом деле главное основание этой обязанности – родительские отношения обязанного к алиментируемому лицу – было в том же порядке правосудия отвергнуто. Такое же рассуждение уместно и в других случаях противоречия судебных констатаций в отношении одних и тех же фактов и правоотношений, установленных различными решениями по делам между теми же участниками.

Не может быть в принципе двух различных «правд» в отношениях между одними и теми же сторонами; одна из них всегда и непременно является ложной. Прав Ж. Сталев, что нельзя ошибку фактической констатации переносить из первого процесса в другой. И столь же опасно сохранять вывод в решении по первому процессу, основанный на фундаменте, ошибочность которого обнаружена во втором процессе. Его законная сила утрачивает свою жизненную основу, правосудие – свою убедительность, моральную силу и воспитательное воздействие. Но где гарантия того, что ошибка в установлении фактических оснований решения не будет допущена в суждениях суда во втором процессе: «исправление» мнимой ошибки, сделанное во втором судебном процессе, не окажется ли необоснованным коррективом правильного суждения суда в первом процессе?

Имеется и другое соображение против рассматриваемого порядка, связанного с институтом «инцидентного установительного иска». По мнению сторонников этого порядка, его целесообразность связана с нормально пониженным вниманием суда к фактическим констатациям и к установлению мотивов решения суда, концентрирующего свое основное внимание на спорном притязании. Подобная позиция, на наш взгляд, вызывает серьезные сомнения. В социалистическом гражданском процессе господствует правило о всемерном наиболее тщательном исследовании всех обстоятельств дела, без какого-либо разграничения их по отношению к предмету спора и его основанию. При этом уместно заметить также, что выносимые судом «частные» (особые) определения основываются, как правило, именно на фактических, установленных судом обстоятельствах, условность которых значительно подорвала бы действенность частных определений. Советское законодательство обязывает суд рассмотреть в судебном заседании все обстоятельства дела в их совокупности, всесторонне,

со всей полнотой и объективностью (ст. 13 Основ гражданского судопроизводства). Эта обязанность служит важнейшей гарантией отыскания истины по делу и вынесения правосудного решения. Между тем порядок инцидентных (так называемых промежуточных) установительных решений противоречит принципу объективной истины, обязанности суда всесторонне и полно рассмотреть все обстоятельства дела, что в свою очередь влечет за собой ослабление деятельности сторон в деле установления фактов, т. е. не согласуется с основной линией состязательности в социалистическом гражданском процессе. В подобном режиме результат работы суда утрачивает свою надежность и стабильность. Трудно не усмотреть некоторой недосогласованности между принципом объективной истины, выраженным в ч. 2 ст. 4 ГПК НРБ, и содержанием ст. 221 того же кодекса. Практика суда и арбитража в Болгарии в ряде случаев отступает от закона, а также от процессуальной теории, приближаясь к положениям, которые установлены процессуальным законодательством СССР. Об этом свидетельствует и Ж. Сталев. Здесь имеются в виду не всякие факты, а лишь факты «решающие, существенные, главные мотивы, содержащие констатации юридически релевантных фактов (основание иска, возражения ответчика)»⁴¹. Но ведь именно такие факты подразумеваются и в ст. 39 Основ гражданского судопроизводства и ст. 208 ГПК РСФСР.

Утвердительный ответ на вопрос о том, входят ли в объективные пределы законной силы судебного решения суждения суда о фактах, данный в ч. 3 ст. 39 Основ гражданского судопроизводства (ч. 3 ст. 208 ГПК РСФСР), был бы неполным, если бы не сопровождался разъяснением (толкованием), какие именно факты имеет в виду закон. Как общепризнано, к ним относятся юридические факты, а также, на наш взгляд, сопутствующие им конкретные обстоятельства дела⁴². Однако фактические констатации в широком смысле охватывают и доказательственные факты. Поскольку принцип объективной истины распространяется на все факты, исследуемые и устанавливаемые судом, постольку и внимание сторон и суда должно быть обеспеченным к доказательственным фактам так же, как к юридическим. Отсюда иногда делается вывод о запрете оспаривания в другом, законно начатом процессе доказательственных фактов, установленных решением, вступившим в законную силу, если дело возбуждено лицами, которые были участниками первого дела, или их правопреемниками⁴³. Но, по нашему мнению, едва ли такое положение может считаться правильным. Правовые установления проводят свои границы в ре-

гулируемых явлениях, разделяя их соответственно своим целям и взвешивая их гирями не только сущего, но и должно – возможного. Именно поэтому нельзя не признать различия, которое проводится между обстоятельствами, имеющими непосредственное значение для правильного разрешения дела (главные, или юридические, факты), и фактами-доказательствами. Не случайно судебная практика Болгарии, отклоняясь от ГПК НРБ, распространяет законную силу решения только на решающие, существенные, главные мотивы, содержащие констатации относительно юридически значимых фактов (основание иска, основания возражений, преюдициальные правоотношения).

Доказательственные факты входят в состав доказательств, их оценка подчинена внутреннему убеждению судей. При сопоставлении с правилом ч. 3 ст. 39 Основ (ч. 3 ст. 208 ГПК РСФСР) это означает, что во всех случаях, когда в процессе по другому делу между теми же сторонами доказательственные факты, положенные в основание выводов о юридических фактах, окажутся недоказанными, возникает серьезная коллизия между законной силой юридических фактов и свободной оценкой доказательственных фактов, на которые законная сила решения не распространяется. Острота этой коллизии еще более возрастает, если в новом процессе обнаруживаются новые доказательственные факты. Эта коллизия не может быть разрешена путем нарушения законной силы решения. На наш взгляд, она могла бы быть разрешена следующим образом: если в процессе по законно начатому делу, возбужденному между теми же сторонами, которые были участниками предшествующего дела, суд стоит перед необходимостью сделать иные выводы о юридических фактах, установленных с законной силой преюдицирующим решением, он должен приостановить производство по делу и принять меры к пересмотру преюдицирующего решения в порядке надзора. Такой порядок требует соответствующего законодательного регламента.

¹ Печатается по: Гурвич М. А. Судебное решение : теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976. 176 с.

² См.: Абрамов С. Н. Гражданский процесс. 1948. С. 305 ; Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. С. 101–102 ; Советский гражданский процесс. 1967. С. 229 ; Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения. Тбилиси, 1964. С. 28.

³ См.: Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л., 1961. С. 55–56, 63–71 и сл. ; Советское гражданское процессуальное право. 1965. Гл. XVII, § 3 (автор главы К. С. Юдельсон).

⁴ См., например: Авдюков М. Г. Судебное решение. М. : Госюриздат, 1959. С. 188.

⁵ Так, Д. И. Полумордвинов ограничил обязатель-

ность решения только его действием для государственных органов и должностных лиц (указ. соч., гл. 4, § 5). Тем самым понятие общеобязательности решения в его работе вообще не признается.

⁶ См.: Авдюков М. Г. Указ. соч. Гл. III, § 6.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Там же. С. 188.

⁹ См.: Трубников П. Я. Надзорное производство по гражданским делам. М. : Юрид. лит., 1967. С. 5, 8, 11, 14.

¹⁰ См.: Полумордвинов Д. И. Указ. соч. С. 28.

¹¹ См.: Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М. : Юрид. лит., 1966. С. 176.

¹² Там же. С. 119 и сл.

¹³ Разумеется, речь идет здесь (по всей этой работе) о неизменности решения в смысле его законной силы, следовательно, в пределах обычного судопроизводства. На чрезвычайный порядок пересмотра решения в форме надзора или пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам положения этой работы не распространяются.

¹⁴ С особой наглядностью это выступает в решениях о признании, в частности в решениях об отказе в иске любого вида.

¹⁵ См.: Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. С. 116 и сл.

¹⁶ См.: Там же. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ Н. А. Чечина, отрицая положение о том, что законная сила решения является его правовым действием, в то же время включает в состав законной силы его обязательность, которую она понимает как проявление действия нормы права. Но тот же смысл ею придается и правовому действию решения. Тем самым получается, что правовое действие решения входит в содержание его законной силы (см.: Чечина Н. А. Указ. соч. С. 54 и 59).

¹⁹ Мы говорим «как правило», так как в ряде случаев решение начинает функционировать с момента вынесения его (см. далее вопрос о немедленном исполнении и исполнимости вообще).

²⁰ См.: Сталев М. Сила на пресъдено нещо в гражданские процес. София, 1959. С. 16–17, 23–24, 36, 46.

²¹ Мы говорим здесь о законной силе как о моменте, а не как об условии, так как условие есть будущее неизвестное событие, законная же сила решения наступает обязательно.

²² См.: Трубников П. Я. Указ. соч. С. 14.

²³ См., в частности: Советское гражданское процессуальное право. 1965. С. 254 ; Советский гражданский процесс. 1967. С. 229 ; Гражданский процесс. 1968. С. 258.

²⁴ В зарубежной теории гражданского процесса существует взгляд, согласно которому исполнимость решения не входит в состав законной силы (см., в частности: Сталев Ж. Българско гражданско процесуално право. София, 1970. С. 284, § 75). Менее ясна в этом вопросе позиция польской теории гражданского процесса (см., например: Siedlecki W. Zarys postępowania cywilnego. Warszawa, 1966. § 152–153). Автор, с одной стороны, отделяет понятия законной силы и силы исполнительской друг от друга; с другой – не раскрывая с достаточной определенностью содержания понятия законной силы, говорит об исполнимости решения, вступившего в законную силу, как об одной из черт так называемой «материальной» законной силы (с. 328).

В буржуазной теории гражданского процесса широко распространено отрицание исполнимости решения как черты (свойства) законной силы (см., например: *Rosenberg L. Lehrbuch des deutschen Zivilprozessrechts*. München – Berlin, 1956. S. 230, 394, fig., 993, fig.; *Nikisch A. Zivilprozessrecht*. Tübingen, 1952. S. 154, 157, 410).

Во французской теории гражданского процесса отчетливо различаются понятия законной силы решения («*autorité de la chose jugée*») и его исполнительной силы («*force exécutoire*»). (См., например: *Morel R. Traité élémentaire de procédure civile*. Paris, 1949. P. 450, n°576; *Gérard Cornu et Jean Foyer, Procédure civile*. Paris, 1958. P. 459).

²⁵ См., например: *Полумордвинов Д. И.* Указ. соч. С. 48.

²⁶ См., например: *Schönke Ad. Lehrbuch des Zivilprozessrechts*, 1956. S. 348, § 76, 11; см. также: *Полумордвинов Д. И.* Законная сила судебного решения. Тбилиси, 1964. С. 45–47.

²⁷ См.: *Авдюков М. Г.* Указ. соч. Гл. III, § 6.

²⁸ В тех случаях, когда предметом судебного решения является не правоотношение, право или обязанность, а юридический факт, формальная обязанность действия решения распространяется и на тех граждан и юридических лиц, которые не были лицами, участвовавшими в деле, однако лишь в смысле возможности и необходимости учитывать решение в своих действиях, сделках, в смысле права рассчитывать на него.

²⁹ Часть 2 ст. 15 Основ гражданского судопроизводства не имела бы смысла, если бы судебное решение было обязательно только для субъектов рассмотренных судом правоотношений.

³⁰ См.: *Полумордвинов Д. И.* Указ. соч. С. 45.

³¹ Этот вывод, как и вся предложенная здесь кон-

цепция законной силы судебного решения и его обязательности, послужил отправным положением для глубокого и многостороннего исследования преюдиции в советском гражданском процессе А. П. Еремкиной (см.: *Еремкина А. П.* Преюдиция в советском гражданском процессе: автореф. канд. дис. М., 1970).

³² См., в частности: *Абрамов С. Н.* Гражданский процесс. 1948. С. 307–309; *Гурвич М. А.* Решение советского суда в исковом производстве. Гл. III, § 2.

³³ См.: *Полумордвинов Д. И.* Мотивы судебного решения // Сов. государство и право. 1947. № 4. С. 28–35; *Его же.* Законная сила судебного решения. С. 172.

³⁴ См.: *Calamandrei P.* Opere giuridiche. Volume IV. Morano ed. Napoli, 1970. P. 156.

³⁵ См.: *Rosenberg.* Op. cit. P. 732.

³⁶ См.: *Savigny.* System des heutigen Römischen Rechts. Bd. VI. Berlin, 1847. S. 351–361.

³⁷ См.: *Сталев Ж.* Българско гражданско процесуално право. София, 1970. С. 272.

³⁸ См.: *Сталев Ж.* Сила на пресъдено нещо в гражданские процес. София, 1959. С. 190.

³⁹ *Siedlecki W.* Zagys postępowania cywilnego. Warszawa, 1966. S. 331.

⁴⁰ См.: *Сталев Ж.* Сила на пресъдено нещо. С. 194–196.

⁴¹ См.: *Сталев Ж.* Българско гражданско процесуално право. С. 273–274.

⁴² См., например: *Курылев С. В.* Значение конкретных обстоятельств дела для применения норм советского права // Вопросы Советского государства и права. Иркутск, 1965. С. 203.

⁴³ См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. С. 240.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должны соответствовать установленным требованиям.

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае если материал направляется в редакционную коллегию по почте, нужно прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов);
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адреса, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски концевые (оформляются после текста статьи).

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с

разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи

автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

3.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. GENERAL PROVISIONS

1.1 To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements.

1.3. Materials should be sent to the editorial board by mail or by e-mail. In case material goes to an editorial board by mail, it is necessary to apply the electronic data storage device containing the file with the author's article.

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by **one file** which contains the following information and structure:

- UDK;
- article heading in Russian and in English;
- author's (coauthors') initials and surnames;
- name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);
- summary of the article in Russian and in English;
- key words in Russian and in English;
- text of article;
- data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, phone number (office, home or mobile), home or office addresses, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

2.1. The text is printed in a text editor of Win-Word; font - Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made after the article.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. THE DECISION TO PUBLISH AND TO REFUSE PUBLICATION

3.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

3.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

3.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (coauthors) needs to attach the letter containing answers to the remarks

made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

3.4. Refusal in the publication is possible in cases:

- article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;
- negative conclusion of the editorial board;
- the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions

3.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

3.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.